

МАКЕЕВ ЖЕРТВА ТАЙГИ

Черная кошка

Алексей Макеев

Жертва тайги

«Научная книга»

2013

Макеев А. В.

Жертва тайги / А. В. Макеев — «Научная книга»,
2013 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-65059-0

Простого работягу Антона увольняют с работы, и он, чтобы хоть как-то прокормить семью, отправляется в тайгу на поиски корня женьшеня – очень востребованного снадобья, цена которого на черном рынке прямо-таки астрономическая. В планах Антона – собрать побольше корня и спокойно вернуться домой. Но все оказывается не так просто. Тайга встречает Антона дружелюбно, заманивает в свои объятия и убаюкивает бдительность, а потом внезапно набрасывается на него диким зверем. Антон становится свидетелем, а потом и участником страшных и кровавых событий. И чтобы остаться в живых, ему придется сильно постараться...

ISBN 978-5-699-65059-0

© Макеев А. В., 2013
© Научная книга, 2013

Содержание

Начало злоключений	9
В ночной ловушке	16
Вопреки здравому смыслу	21
Попытка вернуться домой	30
Куда глаза глядят	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Макеев

Жертва тайги

Антон из последних сил рванулся вперед, выдирая ноги из зарослей цепкого, прилипчивого чубушника, и с ходу спрыгнул с обрывистого берега на речную косу. Селезенка противно, даже болезненно екнула и сжалась. Мокрая галька, перемешанная с песком, поехала из-под ног. Он тут же брякнулся, завалился на бок, с минуту полежал, переводя дух. Потом Антон чуть поелозил, сбрасывая врезавшиеся, намертво въевшиеся в ключицы лямки рюкзака. Освободившись от тяжелой ноши, он сел и огляделся.

Где-то совсем близко, за крутым кривуном, гомонил на все лады речной поток, гудел и ярился в невидимой теснине на острых злобных шиверах, то бишь каменистых перекатах. Здесь же, прямо перед ним, хрустальная ледяная вода лениво, не торопясь, ходила по широкому кругу над темным бездонным омутом рядом с отвесной, поросшей седоватым тонким мохом базальтовой скалой. В глубоких косых воронках, как елочные конфетти, сновали, суетились, бестолково мельтешили разноцветные опавшие листья.

Есть хотелось зверски! Но только не жидкого супца из концентрата, не набившей оскомину тушенки, разогретой на костре, а чего-нибудь весомого, стоящего. Духмяной бы ушицы из свежей рыбки!

А потому Антон долго не рассиживался. Он смахнул топориком длинный и ровный тальниковый хлыст, достал из кармашка рюкзака мотовильце с тонкой, но прочной леской и быстро смастрячил удочку с незатейливой магазинной блесенкой. Антон долго вдоль и поперек хлестал воду в надежде на поклевку. Однако харьюзы, по-осеннему привередливые, ни в какую не хотели соблазняться пустой, никчемной обманкой. Пришлось ему пересилить себя и отправиться на поиски настоящей наживки.

С большим трудом Антону удалось отыскать полусгнивший трухлявый пенек и путем долгих и нудных ухищрений наковырять из него с десятков толстых, весьма упитанных короедов. Но мучился он не напрасно! Теперь дело пошло гораздо веселей. Уже через несколько минут запрыгал, заскакал бешеным чертенком на узкой песчаной косе стандартный двухсотграммовый харьюзок, ослепительно сверкающий надраенным перламутровым серебром. Следом за ним и еще один, точно такой же, хоть линейку прикладывай.

Когда закончилась наживка, на кукане у Антона уже болталось шесть таких же одномерных красавцев, и он решил с рыбалкой завязать. На ушицу с лихвой хватит. Да и усталость, накопившаяся за нелегкий дневной переход, оказалась сильнее неумного рыбацкого азарта. Теперь хотелось только одного: поскорей насытиться да отдохнуть.

Антон плотно, в полное удовольствие набил утробушку густым горячим ароматным варевом, а потом сноровисто проделал все давно знакомые нехитрые приготовления к обычной таежной ночевке. Он заготовил кучу увесистого сушняка, натянул на колышки легкую односкатную палатку – прилег и «поплыл», пригревшись. Антон растянулся у пышущей жаром, разгоревшейся ноды¹ в приятной вязкой полудреме и перебирал в уме необычайно удачный прошедший день.

А подфартило ему действительно байгово²! Всего-то с полкилометра и отошел от места бивуака. Он спустился с пологой каменистой осыпи в густую темь старого древостоя, прошлепал сотню метров по мягкой, пружинящей под ногами травяной подстилке и обомлел, очумел от буйного восторга! Гордо поднимаясь над малахитовой бахромой папоротников, горела,

¹ *Нодья* – специальный таежный костер, когда в огонь одно на другое кладутся два бревна разного диаметра, что обеспечивает ровное и долгое горение при максимуме теплоотдачи. (Здесь и далее прим. авт.)

² *Байгово* – здорово, очень сильно в превосходной степени.

пылала в прохладной тени головка гигантского панцуй³! Да еще какая! Едва ли не с кулак величиной. Чума! Отпад полный! Настоящее, редчайшее по нынешним временам упие⁴! Не чета чахленьким двадцатиграммовым клопышам, найденным до этого.

Полуметровый темно-зеленый стебель с развесистой розеткой из пяти длиннющих, еще не совсем увядших листьев величаво парил над травой, безраздельно царствовал на крохотной лесной полянке рядом с неохватным темнокорым стволом столетней липы.

Зрелище было настолько будоражающим, что Антону вдруг страстно захотелось петь и плясать от радости, перехватившей горло. В полном беспамятстве, с каким-то диким прыском и козлячьим бляением, он припустил вкругаля по полянке, но, на счастье, вовремя опомнился. Нечего давать пищу чьим-то чужим завидушим ушам. Теперь ведь немало всякой отстойной уголовной швали шастает по тайге, рыщет жадными, ненасытными волчарами в расчете на легкую поживу.

Ему вдруг пришло на ум древнее поверье. Ни в коем случае нельзя громкими восторженными воплями нарушать таинственный покой пугливого панцуя, а то он запросто может исчезнуть, раствориться в воздухе. Начнешь потом с досады пеплом голову посыпать. Да только поздно будет кусать локти. Ничего уже тогда не изменишь. Не вернешь обратно. Ничем уже своему горю не поможешь.

Антон остановился как вкопанный, прикусил губу, с опаской огляделся. Потом он скинул с плеч тяжелую поклажу, отставил ее в сторону и присел рядом со своей ценнейшей находкой на корточки, стараясь больше не отрывать от нее глаз. А вдруг и правда убежит пугливый панцуй, спрячется в непроходимой чащобе? Действительно пропадет, растает в воздухе? Уж лучше не ерундить, не рисковать понапрасну.

Но Антон тут же отрезвел, скривил рот в саркастической усмешке по поводу глупого суеверия и посоветовал самому себе: «Ты еще, дружок, зажмурься да распластайся ниц перед женьшенем⁵, как какой-нибудь там древний замшелый манза⁶. Вот потеха-то будет!»

Вечернего часа, как исстари заведено у маститых корневищников, он дожидаться, естественно, не стал, тщательно расчистил от мусора и травы прикорневой круг и немедленно приступил к копке. Настойчиво принуждая себя не спешить, не торопиться, Антон битый час так аккуратно, как только мог, ковырял землю вокруг корневища заточенной деревянной лопаткой.

Как он ни осторожничал, так и не сумел в целости сохранить тончайшие нитяные мочки. Все равно криворукому неумехе терпения не хватило! Порвал-таки, к величайшему позору и огорчению, пару-тройку волосяных отростков, снизив этим будущую стоимость своей редчайшей находки.

А корень был действительно из ряда вон! Таких богатырей ему еще никогда не приходилось держать в руках. Да что там держать! И видеть-то раньше не доводилось. Разве что на картинках.

Растопыристый желтобокий красавец – не меньше чем на сто с лишним граммов. Значит, ему за сотню лет перевалило. Один грамм – один год жизни. Но даже и не это самое главное. Исключительно важным было то, что этот увесистый диковинный корнине доподлинно напоминал своим обличем человека! Вот она – крепкая шейка с головкой. Вот – натуральные руки! А вот и ноги! Пускай одна из них заметно короче другой, но она же все-таки имеется.

³ *Панцуй* – удэгейское название женьшеня.

⁴ *Упие* – редкий корень с пятью листьями в розетке. У женьшеня бывает от одного до шести листьев. Чем их больше, тем старше корень.

⁵ Имеется в виду важнейшая часть священного древнего ритуала корневищников. Человек, нашедший женьшень, должен откинуть в сторону палку, закрыть глаза рукой и броситься ниц на землю с возгласом: «Панцуй, не уходи! Я чистый человек! Я душу свою освободил от грехов, сердце мое открыто, и нет у меня худых помышлений!» Только потом можно посмотреть на растение.

⁶ *Манза* – китаец-кочевник, живущий таежным промыслом.

Есть в наличии! Это существенно задерет цену корня. Ведь самый что ни на есть натуральный мужик⁷ налицо!

Малиновый солнечный диск уже почти полностью сплюснулся на плешистой верхушке высоченной сопки, белеющей вдаль, а Антон все еще никак не мог избавиться от эмоций, переполнявших его. Ему не удавалось успокоиться, расслабиться по-настоящему. Так, чтобы резкие надоедливые голоса сумеречных птиц растворились наконец на пороге сладкого облегчительного сна. Как он ни мучился, как ни ворочался с боку на бок, уснуть все равно не удавалось.

В конце концов он чертыхнулся, продрал глаза, с силой потер их, вылез из спальника и зябко передернул плечами. Промозглый стылый воздух неприятно дохнул в лицо. Холод миглом пробрал до костей. Антон на четвереньках принялся усердно раздувать притухший, едва теплившийся костерок.

«Вот же дурик! Гниловатую лесину выбрал», – корил он себя.

«Уть-то-та!» – неожиданно прорезал тишину голос наглой уссурийской совки, притаившейся где-то совсем рядом.

Антон вздрогнул и отпустил в ее адрес ядреный матерок. Птица шуманула в кустах, сорвалась с места и быстрой черной тенью пронеслась над его головой.

Широкий язык пламени наконец-то пополз с побагровевших углей, лениво лизнул толстое полено. Потом он нехотя распластался по всей длине ноды и слегка, на пару-тройку метров, раздвинул крошечную темноту, подступающую со всех сторон. На душе Антона сразу же стало как-то беспокойно. Появилось неприятное ощущение своей полной незащищенности. Ясное дело, у костра в ночи ты как вошь на блюде. Отовсюду тебя видно, а сам слеп, прямо как крот на солнцепеке.

Он отошел подальше от огня, присел на корточки у самой воды, зачерпнул пригоршню и умылся, растер лицо, отгоняя остатки сна. Антон прикурил и замер, чутко прислушиваясь. Где-то далеко во тьме низко и гулко промышала трехперстка⁸. Птица помолчала немного и снова зашлась как ревун невидимого маяка, нагоняя тоску своим противным нытьем.

Этой самой тоски и так было выше крыши. Сейчас, спросонья, когда щенячья радость от неожиданной находки поулеглась внутри, уступив место трезвому рассудку, Антон уже не чувствовал себя до обалдения счастливым. После короткой передышки опять подступила, навалилась на плечи вся тяжесть нерешенных домашних проблем. Он скукожился как от зубной боли.

Полгода назад Антон потерял работу. Его легко скосырили при первом же серьезном сокращении. Не посмотрели ни на стаж, ни на семейные обстоятельства: все-таки двое детей-школьников – не шутка. Попробуй выкорми, выучи да одень! Жена к тому же сущие гроши в больнице получает.

«Уже достала, блин, своим нескончаемым нытьем! Ей и то надо, и это тоже, – думал Антон. – Надо, не спорю. А где же взять-то? Откуда денег на все это наскрести? Попробуй-ка устройся на нормальную работу в нашем гребаном, богом забытом захолустье!»

Он то сидел, то расхаживал, топтался у воды до самого рассвета, смолил одну сигарету за другой, мусоля окурки, костерил на все лады свою непутевую беспонтовую житуху. Ведь редчайший корень, найденный недавно, отнюдь не решал всех его накопившихся житейских проблем.

«Хорошо. Ладно, – занудливо, с каким-то изощренным садомазохизмом измывался он над собой. – Протянем мы на эту жалкую кучку баксов каких-нибудь три или четыре месяца.

⁷ Корни женьшеня делятся на мужские и женские. У мужского внизу два утолщения – «ноги». Это значительно повышает его цену.

⁸ Трехперстка – птица из семейства ржанкообразных.

Полгода от силы. Это если сволота узкоглазая цену не собьет. Проживем, согласен. Пусть так. А что дальше?..»

Начало злключения

Встреча с незнакомцем. – Дикая сценка под березой. – Вынужденная уступка. – Сумасшедший бег по тайге. – Размышления на привале. – Решение принято. – Запоздалые сожаления

Утро занималось хмурое, без зарниц. Вяло и неспешно раздвигалась чернота, набрякшая влагой. Слабое дуновение набежавшего ветерка стронуло с места рваные клочья тумана и медленно потащило их над просыпающейся рекой. Они тянулись, стлались над темной водой узкими светлыми полосками галечных кос, частыми щетками ивняка и краснотала в низких речных забоках⁹.

– Батига фу-у-у!¹⁰ – прозвучало за спиной, и чья-то тяжелая рука легла Антону на плечо.

С перепугу он на мгновение обмер, ощутил, как в буквальном смысле шевелятся волосы на голове. Антон дернулся, метнулся в сторону, но не удержал равновесия, споткнулся и ухнул пятой точкой прямо в обжигающую ледяную воду. Колкие мураши моментально побежали по всему телу.

– Ты кто?! – сорвался на крик Антон.

Не дожидаясь ответа, он тут же вскочил на ноги и пулей понесся к костру, хлюпая на бегу сапогами, полными водой.

– Спокойно!.. Не кипишись, паря, – с хохотком прогундосил незнакомец ему в спину. – Не съем. Мужиков не уважаю. Вонючие больно. Кормлюсь только бабами.

– Вот урод, блин! – зло бормотнул Антон себе под нос, судорожно срывая с тела промокшую одежду. – Чуть зайкой не сделал.

– Да ладно тебе, – примирительно протянул мужик, вразвалочку подошел к костру, опустился на корточки и протянул к огню крепкие массивные ладони, похожие на две подборные лопаты среднего размера. – Ты чего такой пугливый-то? Прямо как пацан какой-то!

– Пугливый, блин, – по инерции съязвил Антон. – Съездить бы тебе в рожу за такие шуточки!

– А ты попробуй, – мгновенно преобразившись, спокойно и с явным вызовом ответил незнакомец, сверкнув острым взглядом, брошенным исподлобья.

На этот раз Антон благоразумно промолчал, почувствовав, что явно переборщил. Продолжая разговор в таком же тоне, недолго и на неприятности нарваться. Этого ему совершенно не хотелось. Тем более здесь, в глухой тайге, где напрасно надеяться на чью-то помощь.

«Один черт знает, что на уме у этого мутного лешака, – подумалось ему. – Оружия при нем вроде бы не видно. Да и зачем оно ему? С такими-то оглоблями он кому угодно шею свернет запросто. Как куренку. И крякнуть не успеешь».

Неприятная пауза рисковала затянуться, и Антон поспешил снять напряжение, возникшее между ним и незнакомцем.

– Придется палку какую-нибудь вырезать. По-другому никак не высушишь, – пролепетал он вроде бы самому себе.

Антон отбросил мокрые штаны, схватил сапог, набрякший от воды, и стал суетливо его натягивать. Как он ни старался, так и не смог просунуть ногу дальше сузившегося голенища.

⁹ Забока – пойменное редколесье вдоль берега.

¹⁰ Батига фу-у-у – удэгейское приветствие.

– Да ладно уж, сиди. Я сам, – поглядев с полминуты на его неуклюжие телодвижения, снисходительно отпустил незнакомец.

Он ухмыльнулся, встал, повернулся и тяжело заскрипел галькой в сторону кустов. У Антона отлегло от души.

«Слава богу, вроде обошлось! Не стал бичара обострять. – Он смотрел в широкую сутулую спину незнакомца, неторопливо вышагивающего по речной косе, и усиленно шевелил мозгами. – Рожа-то у него явно подозрительная. И подобрался-то как умело, ловчила хренов. Ни звука, ни писка!.. Наверняка зону топтал. Корнюет он – как же! Так я сразу и поверил! Скорее всего, таких, как я, фартачей, по тайге выслеживает, чтобы до нитки обождать. Надо с ним ухо остро держать. Спина к нему не повернешься. Хорошо еще, что я догадался корень в дупле запрятать. Но как теперь его оттуда забрать-то?»

Незнакомец приволок к костру пару толстых тальниковых обрезков, обстоятельно заточил концы этих палок магазинным туристическим топориком с желтой обрезиненной ручкой и надежно вбил их по обеим сторонам от кострища. Потом он натянул между ними кусок черного армейского телефонного кабеля, вытащенного из кармана фуфайки, бросил взгляд на Антона, пританцовывающего на гальке, с ног до головы покрытого гусиной кожей, и снова расплылся в широкой издевательской улыбке:

– Да ты бы накинул чего, а то, не ровен час, причиндалы застудишь. – Этот тип, по-видимому, пришел в обычное для него состояние неумолчного ерничанья.

Антон благоразумно пропустил мимо ушей эту подковырку и подумал: «Придется подыгрывать. Никуда не денешься. Глядишь, и удастся разойтись по-доброму».

– Корнюешь, да? Чего молчишь-то? Не бойсь. Не трону. Мне чужого не надо. Сами с усами, – продолжил подначивать его незнакомец. – Тебя, кстати, как кличут?

– Антон.

– А меня – Чеботарь.

– Это что? Кликуха?

– Да как хочешь, так и понимай. Пусть будет кликуха или что другое, – понес мужик какую-то полную ахинею, и у Антона опять засосало под ложечкой.

«Темнит, зараза? Явно темнит!»

Но он опять промолчал, накинул на плечи камуфляжную штормовку, придвинул поближе к огню котелок с остатками застывшей вчерашней ухи и принялся с нарочито невозмутимой миной на лице развешивать над нодьей свою промокшую одежду.

– Надыбал что приличное? – вдруг принялся подозрительно выпрашивать Чеботарь, уставившись на собеседника в упор.

Он умело перехватил взгляд Антона, опрометчиво метнувшийся в сторону, рассмеялся в голос и заявил:

– Да ладно тебе. Не переживай. Не буду больше. Не напрягайся. Вон набасурманился как. Сейчас лопнешь! – Вдруг этот субъект без всякого перехода, без малейшего напряжения сменил тему: – Домой пилишь или как?

– Домой... – начал было Антон и запнулся.

– Ва-а-у-у! – раздался где-то в вышине, сокрытой утренним туманом, громкий, визгливый, неприятный до омерзения голос. – Ва-а-а-у-у!

– Лей в костер уху¹¹! – быстро пробормотал Чеботарь, резко задрал странно побледневшее, перекошенное от страха лицо.

– Да ты чего? Что за дурь, блин?

– Лей, тебе говорю! – хищно скрипнул зубами Чеботарь. – Да быстрее, мать твою!

¹¹ По древним удэгейским поверьям, при появлении поблизости вавуха (черта) необходимо немедленно затушить костер, примотать себя накрепко к толстому дереву и конец веревки зажать в руке.

Антон неохотно подчинился, все еще недоумевая, и спросил:

– Зачем выливать-то?

– Быстрей, говорю! – цыкнул Чеботарь.

Он вскочил и заметался у костра, срывая с колышков кабель, с треском сдирая с него скрутившуюся, не успевшую высохнуть одежду.

– Бежим к дереву!

Чеботарь так двинул в спину Антона, замешкавшегося на мгновение, что тот в одном прыжке, на полусогнутых, проскочил с добрый пяток метров. Они проломились через кусты к первой же толстой березе.

– Прилепись к стволу, пудель! – хрипнул Чеботарь. – Да шустрей же ты!

Антон тут же прирос к шершавому холодному стволу, не рискуя нарваться на очередную увесистую оплеуху. Чеботарь сноровисто обмотал его кабелем, да так, что провод больно впился в голую кожу.

Он сразу же крутанулся, приторочил себя рядом с ним и зашипел:

– Свой конец провода в кулаке зажми! Делай, говорю!.. Крепче держи. Смотри не выпусти! И молчком! Богом тебя прошу, что бы там ни было!.. Авось пронесет.

Прошла пара томительных тягучих минут. По-прежнему ничего не происходило. Антон почувствовал, что начинает дубеть от холода, и потихоньку зашевелился.

– Замри, мудило! Не двигайся! – шикнул на него Чеботарь.

Не успел он закончить фразу, как над березой что-то громко зашелестело. Будто большая стая крикашей¹² заполошно пронеслась над ними на бреющем. Антона вдруг обуял какой-то дикий животный страх. Он явственно услышал, как его собственные зубы самопроизвольно пустились в пляс, застучали мелко и дробно. Антон судорожно вздохнул и, вопреки всякому здравому смыслу, крепко зажмурился. Таким вот наивным, нехитрым способом мальчишка, перепуганный насмерть, пытается уберечься от страшного наваждения.

Снова что-то громко зашелестело. Теперь уже гораздо ближе. Но на этом все и закончилось. Ни единый звук не нарушал больше мертвой предрассветной тишины. Какое-то время коленки Антона еще слегка подрагивали, кровь колотила в висках, но с каждой минутой все реже и реже.

«Да, точно, крикаши! – потихоньку засветилось в его мозгах, снова обретающих способность трезво мыслить. – Именно утки! А я тут, как дурак последний, труса праздную?!»

Антон распахнул веки, огляделся и звучно выдохнул. Ни единой неведомой опасной живой твари в пределах видимости, естественно, не наблюдалось.

«Да и откуда ей, на хрен, взяться в этой тайге, давно исхоженной вдоль и поперек?!» – прикинул он.

– Вот же твою мать!.. – жалко проскулил Чеботарь, все еще тупо, по-детски, подливая маслица в огонь, горевший в его душе. – Показался¹³ нам, сучий потрох! Все ж таки вылез!..

– Кто показался? О ком ты говоришь? – перебил его словоизлияния Антон, раздраженно сдирая с себя телефонный кабель. – Да я лично никого и не видел.

– Вот и все! Теперь нам хана! Он ни за что нас не отпустит! – не обратив никакого внимания на его слова, продолжил гнуть свое Чеботарь, выдрал руку из-под провода, вдруг истово троекратно перекрестился и запричитал: – Свят, свят, свят!.. Спаси мя, грешного!

Вышло это у него настолько банально, по-киношному, что Антон отвернулся, пряча едкую усмешку, и подумал: «Дает, блин, мужик! Большой театр тут просто отдыхает!»

¹² Крикаши – утка-кряква.

¹³ По удэгейским поверьям, если черт «показался» путнику, т. е. позволил себя увидеть, то он уже не отвяжется. Будет преследовать человека до тех пор, пока не сведет его со света.

Освободившись от провода, пожившись, он торопливо засеменил к костру, только теперь ощутив, как капитально успел продрогнуть за время нелепого театрального действия, навязанного мутным мужиком. Антон посмотрел на давно потухшие, залитые ухую угли, и едва сдержал ядреный матерок.

«Вот же подарочек! Теперь же все опять разжигать придется! Ну и поиграл, придурок!» – Собирайся быстро! – рявкнул над ухом Чеботарь.

Антон вздрогнул от неожиданности, резко развернулся к нему лицом.

– Да куда я с тобой не пойду! Никуда! Вали один... – вспыхнул было он, но оборвал себя, наткнувшись на взгляд чужака, полыхающий злобой.

В горле засвербело.

«А ведь он, похоже, малость не в себе. Вон побелел-то как, что твой покойник. Всю рожу сплошь перекосило. Испуг, наверное, так натурально не сыграешь. Или все же можно?.. – Только теперь Антона наконец осенило, и от нового открытия ему совсем поплохело. – Да он же, похоже, больной на всю голову. Совершенно невменяемый. Вот же угораздило с сумасшедшим в тайге схлестнуться!»

– Пойдешь! – с явной угрозой процедил сквозь зубы Чеботарь, зыркнул исподлобья, и его широкие, заросшие ржавой волосней ноздри затрепетали, прямо как у норовистого коняги. – Куда ты денешься! – Он поднял к груди огромные лапищи, сжатые в кулаки, и снова гаркнул на Антона во всю глотку: – Я кому сказал?! Шустряком! Собирайся мухой!

На сборы у Антона ушло не больше пары минут.

Он решил не ерепениться, здраво рассудив: «Лучше этому придурку сейчас ни в чем не перечить. Не надо обострять обстановку. Потом, попозже, я от него все равно улизна. Выберу момент и ноги сделаю. Ему же за мной по тайге все равно не угнаться. Постарше будет лет на двадцать».

Антон кое-как напялил на себя слипшуюся мокрую одежду, небрежно затолкал всю свою амуницию в рюкзак. Тот теперь представлял собой какой-то бесформенный, почти нетранспортибельный баул.

За все это время Чеботарь не произнес ни слова. Он просто стоял в стороне, беспокойно озираясь, нервно потирая руки.

Антон не выдержал, все-таки задал ему ехидный каверзный вопросик, который уже давно крутился на языке:

– Слушай, а это что вообще-то было? Случайно не?..

– Молчи, дубина! – мгновенно взвился Чеботарь. – Его же нельзя называть по имени! Понял?!

– Да, понял-понял, – поспешил заверить его Антон, теперь уже окончательно сбитый с панталыку.

Он забросил рюкзак за спину и растерянно затоптался на месте, бросая тоскливые косые взгляды на разлапистую старую черемуху, стоящую поодаль, в дупле которой спрятал свою редкую находку.

– И не думай даже!.. – предварил эти поползновения Чеботарь, каким-то непонятным образом прочитав его мысли. – Тут дай-то бог шкуру свою спасти, а он, дурак, со своим панцирем мнется.

Он тронулся с места, постепенно убыстряя шаг.

«Ладно, потом вернусь, – подумал Антон. Место я хорошо приметил».

– Слышь, а мы куда вообще?.. – попытался он на бегу внести ясность, припустив вслед за мужиком. – Поселок же вроде в другой стороне.

– Да он же, чудило, тоже про это знает. Может перехватить нас в кедраче. В тени. Он же света боится, въезжаешь? – не оборачиваясь, ответил Чеботарь. – В сопки потянем. Туда,

глядишь, и не сунется. А уж к ночи по-любому надо надежную нору искать. Это уж кровь из носу!

«В сопки так в сопки, – подумалось Антону. – Это даже очень хорошо, что в сопки. Только побыстрее! Этот лешак припадочный из силенок выбьется, и тогда уж ему определенно не до гонок будет. Да и куда пердуну старому вообще со мной тягаться?»

Но получилось-то все как раз с точностью до наоборот. Очень скоро все его надежды буквально прахом пошли.

Антон в тайге, конечно, гостем не был, немало сотен верст по дебрям намотал, закалку имел вполне приличную, но дикого темпа, предложенного Чеботарем, все-таки не выдержал. Уже через пару километров по чащобе да бурелому он сорвал дыхалку и начал понемногу отставать. Когда они полезли на крутую сопку, Антон и совсем притормозил. Он едва перебирал ногами, то и дело оскальзывался на камнях, спрятанных в густой траве. Цеплялся за кусты, стараясь удержать равновесие, и в голос матерился, когда под руку попадалась колючая аралия.

Чеботарь поначалу молча презрительно косился на него через плечо, а потом это ему, по-видимому, надоело. Он дождался, когда Антон его догонит, и снова взъерился как цепной барбос, вошедший в раж.

– Рюкзак на землю! Спальник и прочее барахло – к едрене фене!.. – Чеботарь чуть помолчал, оглядел насупившегося, побагровевшего от обиды попутчика и уже совсем покладистым, каким-то даже просительным тоном прибавил: – И подберись, Антоха. Будь ты мужиком. У нас же, паря, времени в обрез.

Даже с полупустым рюкзаком Антон попросту не поспевал за шустрым двужилым мужиком. Когда они наконец-то взобрались на голую скалистую вершину и Чеботарь объявил привал, вид Антон имел весьма плачевный. Он согнулся в три погибели, отплевывался, надсадно кашлял, долгое время хрипел как чахоточный. Ему никак не удавалось восстановить дыхание, напрочь сорванное на крутом подъеме.

Солнце так и не выбралось из серой пасмурной дымки. Оно стыло на небосводе мутным, едва различимым пятном, не радуя ни светом, ни теплом, палилось на землю тупо и равнодушно. В воздухе висела и нудно сеялась мелкая водяная пыль, что было совсем непривычным для середины сентября.

– Так что делать будем? – прервал затянувшееся молчание Антон.

Вот уже с полчаса Чеботарь сидел, насупившись, на гранитном валуне и задумчиво катал в прокуренных до желтизны пальцах давно потухший чинарик.

– Подожди, Антоха, не гони, – вяло откликнулся он. – Дай обмозговать как следует.

– Ладно, думай давай, Чапай. Только не забудь потом со мной поделиться, – недовольно, едва слышно пробурчал себе под нос Антон.

Его снова начала доставать эта глупая, до предела абсурдная ситуация и их затянувшееся бездействие. Он отошел в сторону, в который уже раз вытащил из кармана сотик и включил его. Естественно, ничего не вышло. Какая, к лешему, связь в тайге, когда кругом сплошные каменные хребты, до ближайшего ретранслятора не меньше полусотни километров!

Антон сразу отключил мобильник, чтобы побережь зарядку. Был в рюкзаке, правда, еще один запасной аккумулятор, но кто его знает, как там сложится в дальнейшем вся эта замутень. А вдруг придется на выходе долго висеть на телефоне?

Он давно уже успел пожалеть о том, что не прихватил в лес свой надежный, тщательно пристрелянный «Барс». Ему не хотелось лишний раз напрягать егерей в период запрета на охоту.

«А то я уже в два счета отделался бы от этого долбанутого мужичка и шагал бы себе спокойно к дому, насвистывая под нос, – вертелось в его голове. – Нет, стрелять я в него, конечно, не стал бы. Я же не душегуб какой-то. Но припугнул бы запросто. Врезал бы под ноги

пару-тройку раз, и он от меня вмиг отцепился бы. Осел бы на все четыре кости как миленький. Не совсем же он безмозглый. Башка-то у него еще, наверно, хоть чуть-чуть, но варит?..

А если вдруг нет? Может же и такое быть. Вдруг он шизик конченный? Я же не психиатр, чтобы это сразу определить. Тогда, наверно, и от оружия мало толку было бы. Или, может, еще хуже сложилось бы?» – подумал Антон и вдруг зримо представил себе жутковатую ситуацию.

Он лупит из карабина Чеботарю под ноги, а тот все равно прет на него буром, как настоящий танк, хватает за ствол своей огромной лапищей и диким рывком тянет его на себя. От этой картинки у него неприятно закололо под ложечкой.

«Ладно. Хватит уже дурыю маяться. Хорош фантазировать. Все равно никакого оружия с собой нет. Надо же, блин! Как же от него избавиться? Что сделать, чтобы он от меня отвязался? Надо, наверно, хотя бы попробовать уговорить его повернуть в сторону поселка. Тут всего-то осталась какая-то половина дневного перехода. За пару километров от околицы вполне могут и люди встретиться. Мало ли сейчас народа по лесу шарится – и по грибы, и по ягоды. Лимонника в этом году навалом. А что? Надо попробовать. Подыграть ему аккуратненько, а? Только так, чтобы в очередной раз его из себя не вывести».

– На Татарский ключ, на Генкино зимовье пойдем. Может, там что-то сподручное найдется. Хотя против него навряд ли что поможет, – как-то кисло и нерешительно протянул Чеботарь, прерывая затянувшееся молчание.

– Подожди, – осторожно приступил к исполнению задуманного Антон, предварительно прикинув: «Сделаю вид, что я тоже эту его мистическую тварь из ужасика видел воочию. Вроде как сознаюсь, а там посмотрим. Может, и выйдет». – Прежде чем ноги по дурости бить, давай-ка трезво на вещи посмотрим, – проговорил он.

– Да хоть трезво, хоть пьяно...

– Подожди ты, – мягко прервал его Антон. – Я тут вообще пораскинул мозгами, и... понимаешь, что выходит!.. Может, мы с тобой вообще по-пустому всполошились? Да, сволочь, конечно, серьезная. Зубищи у нее еще те, – сказал он, намеренно сделал паузу и быстро, пытливо посмотрел на Чеботаря, чтобы проверить его реакцию на сказанное.

У мужика при этом ни один нерв на лице не дрогнул. Он даже и глазом не моргнул.

– Да ты и сам подумай. Неужто мы с тобой, два нормальных здоровых мужика, будем от какой-то там поганой животинки как зайцы по тайге бегать? Мы что, ей каким-нибудь личным дрыном хребет не перешибем? Да легко! Это ж не тигр, в конце концов!

– То-то и оно, что не тигр.

– Хорошо. Пусть так, – терпеливо продолжил увещевать мужика Антон. – Но посмотри сам. Она же одна, а нас двое. Так? Зубы, когти, это да. Может, конечно, и серьезно подрать. Кто бы спорил. Но ведь не загрызет же насмерть. Ты сам подумай. Да хрен там у нее получится! Не так же страшен черт, как его малюют.

– Да тихо ты, дурак! – Чеботарь на удивление беззлобно, как-то даже умоляюще уставился на него. – Я же говорил тебе уже...

За последние полчаса, проведенные на привале, он каким-то странным образом совершенно пообмяк, растерял всю свою показную крутизну. Теперь его глаза, совсем недавно жесткие, волевые, безостановочно шныряли по сторонам. Так ведет себя смертельно перепуганная девица, впервые попавшая в мрачные таежные дебри.

– Ладно, все. Молчу. – Антон с недоумением глянул на растерянного мужика. – И вот еще что. Не верю я, старик, в эти дурацкие рассказы про то, что эта дура твоя летучая умеет человеческие мысли читать. Глупость это все. Дичь сплошная. Да и откуда ты взял, в конце-то концов, что она за нами теперь обязательно увяжется? Это еще бабка надвое сказала...

Чеботарь не дослушал, тяжело поднялся на ноги, затравленно огляделся и вдруг каким-то чудесным образом опять моментально преобразился. Он ощерился и окатил Антона таким холодным хищным взглядом, что у того буквально мураши по коже поскакали.

– Да мне начхать, веришь ты в это или нет! – захрипел Чеботарь. – Вскочил пулей, подобрал задницу и погнал вприпрыжку! Теперь ты впереди пойдешь, понял?

– Да, хорошо. Успокойся. Сейчас пойдем, – поспешил отозваться Антон.

Он бросил короткий сожалеющий взгляд на вершину знакомой Синей сопки, едва различимую вдали, и неуверенно, как на минное поле, ступил на крутой тенистый склон. До поселка, лежащего за ней, где Антон пристроил машину, оставалось каких-нибудь полдня пути. Несколько хиленьких часов, не больше! Но под давлением обстоятельств ему приходилось пока подчиняться чужой безумной воле и пилить в совсем другую сторону.

Слыша за спиной мощное размеренное дыхание Чеботаря, рассеянно поглядывая под ноги, он карабкался вверх по коварной каменистой осыпи и невесело размышлял: «Вот же угораздило идиота в дерьмо вляпаться. Вот же влетел по недомыслию!.. Теперь придется еще и спальник в тайге искать. Да хрен ты его уже отыщешь в таких дебрях. А ведь хороший спальник был, почти новый. Ну да ничего. Подожду, пока он успокоится. Добредем до зимовья, а уж оттуда я точно ноги сделаю. При первом же удобном случае. – Тут в его голове впервые зашевелилась позорная злобредная мыслишка: – А вдруг он действительно что-то такое на речке видел? Не может же такого крепкого мужика, как он, совсем беспричинно закошмарить, буквально в бараний рог скрутить от ужаса. Пусть даже при полном скудоумии. Да на нем же просто лица нет. Да ладно. Какие глупости! Никаких монстров там, конечно же, и в помине не было».

В ночной ловушке
Убежище на заимке. – Ревизия скудных припасов. –
Страшилки Чеботаря. – Подготовка к ночлегу. –
Странная находка. – У страха глаза велики

На заимке стоял добротный сруб, мастерски сработанный из цельной, побуревшей от времени, выдержанной лиственницы. Массивная дверь по старой таежной традиции подперта палкой – хозяева отсутствуют. Да это и понятно. Откуда им взяться-то, если до начала охотничьего промысла еще целый месяц с лихвой.

Внутри царил образцовый порядок. Ничего нигде не валялось. Все развешано по гвоздям, аккуратно разложено по своим местам.

«Корешок-то его, как видно, – редкий аккуратист. Правда, густая паутина по всем углам да черные крупинки мышиного помета кругом: на полу, столе и на дощатых нарах. Давно, по-видимому, здесь никто не бывал. Скорее всего, с прошлого года. Но все это не беда. Помахай веником, добросовестно повози мокрой тряпкой, и запросто можно жить. Причем вполне комфортно».

Едва переступив порог, Чеботарь тут же приступил к тщательному шмону, но никаких хозяйских съестных припасов, не считая пары сморщенных картофелин, лежавших в ящике под столом, не обнаружил.

– Хреново дело!.. – выдал он с явным неудовольствием, закончив шариться по углам.

Чеботарь постоял в раздумье, почесал в затылке и вывернул на нары содержимое своего рюкзака. Он выудил из кучи всякой всячины пару банок говяжьей тушенки, две упаковки армейских пайковых галет, шмат соленого сала, три громадных пожелтевших семенных огурца и выжидательно уставился на компаньона.

– У меня такая же песня, – опорожнив свой тощий сидор, усмехнулся Антон.

– Да-а-а... На две недели никак не хватит, – подытожил Чеботарь.

– Подожди-подожди! Как две недели? Ты что, собираешься до морковкина заговенья здесь сидеть?! – само собой вырвалось у Антона.

Он просто офонарел от этой свежей новости, но вовремя спохватился, вспомнил, с кем имеет дело, мигом понизил тон и вернулся к своей роли:

– А почему же так долго, аж две недели?

– А раньше этого мужики по-любому не приедут, – авторитетно заявил Чеботарь, посмотрел на показательно озабоченного Антона и успокоительно прибавил: – Ничего, не бойсь, паря. С голодухи не попухнем. Петель накрутим. Видишь, нихромка на гвозде висит? Генка как будто знал, для нас с тобой неслабо расщедрился. Насчет чего другого не скажу, а пару-тройку зайцев наверняка прижучим. Только надо бы потихоньку тут ходить, даже по нужде. Обязательно вдвоем и только в ясный день.

«Ага, только этого мне еще не хватало! – подумалось Антону. – Да и пусть. Не страшно. Не будет же он со мной на пару бесконечно по нужде бегать? Раз сходит, второй, третий, а там, глядишь, и отстанет. Еще посмотрим, как оно дальше повернется. Нечего заранее голову ломать».

– Все-таки послушай, Чеботарь, – продолжил он обрабатывать мужика, когда они перекусили скудными припасами, заложили дверь на массивную щеколду и завалились на топчаны. – Да ну ее, блин! Достала твоя кликуха! Буза какая-то, а не прозвище. Как тебя по-человечески зовут?

– А я ж тебе сказал...

– Ладно. Проехали. Не хочешь говорить, не надо. Твое дело, – легко согласился Антон и, разомлев в тепле, убедился, что непрошенный попутчик тоже пришел во вполне благодушное настроение, и продолжил методично гнуть свою линию.

Он даже вдруг неожиданно поймал себя на мысли, что затеянная игра начинает его понемногу увлекать.

– Так ты что же, действительно уверен в том, что этот твой крылатый урюк нас на пути домой караулить будет? Отнюдь не факт. Зачем ему это? Он что, следить за нами приставлен? Так, что ли? Да ну! Хрень это все полнейшая! Давай-ка мы с тобой все-таки подготовимся хорошо да с утра рванем напрямки к поселку. Будем идти хребтом, стараясь в тень не спускаться. Как?

– Ты еще доживи до этого самого утра.

– Да что ты, в самом деле? Хватит уже этих детских пугалок!

– А никаких пугалок, гад буду. Знал бы ты, паря, сколько людей в тайге им побито!.. Сколько серьезных мужиков покруче нас с тобой сгинуло напрочь! Вот тогда бы не выеживался как пацан. Он же нам показался – понимаешь? Это значит, пометил нас. Смекаешь, нет?

– Ну и что с того?

– А то, что почти все, кто его видел, давно уже в земельке червей кормят. Понял ты, дубина стоеросовая? Поэтому так мало свидетелей ему. Других причин нет никаких. Не один ты такой умный. Ладно. Расскажу. – Чеботарь, кряхтя, приподнялся с нар, сел и достал из внутреннего кармана измятую пачку «Примы».

Он прикурил, жадно затянулся, шумно выпустил дым через массивную, заросшую ржавой волосней сопатку, и заговорил:

– Я же из Пожарского района, с Красного Яра родом. Слышал про такой?

– Это где удэгейцы живут?

– Да не только же они. Там тазы и нанайцы есть. Русские – это само собой. Да всяких хватает. Каждой твари по паре. Но не о том речь...

– У вас там, говорят, лодки классные делают?

– Есть такое дело. Да ты слушай. Не перебивай. Так вот, я и говорю, у меня когда-то друбан закадычный был – Витька Рогов. С сопливого возраста мы с ним заодно охотничали да рыбалили. И корешок копали, и шишку били. В общем, все, что положено. Так вот, в ту осень я с ним в тайгу не пошел. Ногу в лодыжке сломал. Прямо перед самой промыслухой. С трактора по пьяному делу сверзился. А он, значит, двинул. Один пошел. Говорил я ему, дураку такому, возьми кого для пары. Того же Саню или Генку Рыжего. Сейчас, отвечает, буду я с чужаком каким валандаться. Не ты, то, значит, и никто другой. А в том году у нас тигра сильно баловала. Собак без счета, подлюка, извела. Соболешку в капканах жрала. Все, что ни попадя, стервоза, подрезала. Ну так вот. На праздники выскочил Витек из леса на хату. Мяса приволок. Мы с ним два дня прокуролесили. Правда, на костылях-то не больно покочевряжишься. Ну и лепит он мне, видел, мол, на заутрене в тайге такую тварь чумовую. Вроде собаки, только с большущими крыльями на манер белки-летяги. Никаких рук показать не хватит. Да еще вонючая – мрак! Так, говорит, полетала над башкой, зубьями пощелкала и свалила в чашу. Я над ним тогда поржал до слез. Ты, говорю, точно со спирта бодряжного уже горячку поймал. А он – нет. Уперся, и ни в какую. Видел, мол, да и все тут. Рожа при этом серьезная, хоть ты его режь. Я ему тогда, конечно, не поверил. А видишь, зря! Будь она неладна, эта тварь!.. Запропал Витек. Как корова языком слизнула. Месяц нет, второй пошел. Только в начале марта его дед Каюнзига нашел. На высоченном дереве кулем болтался. В развилке. Почти что у самой макушки. Потому мыши до него и не добрались. Только вороны подолбили да колонки малость обожрали. А так – целый. Белый весь, прямо как снулая рыбина. А на горляке два неслабых пробоя. Как от широкого доброго ножа-голяка. Ну, менты, само собой, с неделю в селе лютовали. И мне волчары эти пытались подлянку поднести, предьяву сделать. Да ничего у них из

этого не вышло. Не с моей гипсовой культяпкой по сопкам-то бегать. До бровей водяры попили, на том это дело и бросили. В общем, полный облом у них вышел. Никаких следов не нашли. Да и какие следы-то могут быть через, считай, два месяца?.. Потом уже поползла по поселку такая замута, что вроде не все там чисто – это с Витьком-то. Мол, когда его в морге-то пластали, оказалось, что юшки в нем – ни единой капли. Как будто кто его еще живого в один момент до самого доньшка высосал. Понял или нет?

– Да уж...

– Вот так-то. Я потом еще деда Каюнзигу долго о том пытал. Насилу из него вытащил, что не впервой такое приключается. Они у себя в общине не одного такого же потрепанного и бескровного охотника потихонечку спалили. Так, чтобы никто чужой про эту гадость не прознал. Проболтался мне дед, что, мол, он, этот, значит, летун гребаный, с самой Буни приперся. Буня – это у них, у инородцев, страна такая по сказкам есть. Там души мертвяков живут. Так скот с крыльями оттуда и пробился. Жрет их за какие-то там грешки ихние или, может, и чужие. Хрен их, сыроедов, поймешь. Вслух его по имени ни в жизнь называть нельзя. Ты понял?.. А то он сразу же нарисует. Деться от него некуда. Все равно найдет, зараза, и выцепит. Выберет время, когда один будешь да в темноте. Все одно кончит.

– Да-а... Дичь, конечно, полная, – протянул Антон с каменным лицом, из последних сил сдерживаясь, стараясь не прыснуть от смеха.

Уж больно неправдоподобна была история, рассказанная Чеботарем.

«Прямо чупакабра какая-то получается! Но потешаться над ним ни в коем случае нельзя. Вмиг озверееет. Мы такое уже проходили. Он же, бугаина, все это на полном серьезе выдал. Невозможно же так лицедействовать. Ни за что не получится».

– Вижу, ты, паря, мне совсем не веришь. По глазам ясно.

– Да почему же? – поспешил оправдаться Антон. – Охотно верю. Только, понимаешь, уж слишком много всякой мутной шняги здесь накручено. Может, все гораздо проще? Да, действительно, какой-то натуральный мутант. У нас же здесь, в Приморье, куча всяких патогенных зон, разломов земной коры. Радиация просто зашкаливает. Такой высокий, понимаешь, естественный радиационный фон. Вот и выросла такая чумовая уродина. Вполне может быть, что дружба твоего она и замочила и кровушкой его напилась досыта. Все может случиться. Почему нет?.. Ну а все остальное, сказки там всякие про... ну, в общем, про всякую эту лесную нечисть здесь совершенно не при делах.

– Ладно. Как хочешь, так и думай. Только ему, как я петрю, на твои худые думки наплевать и растереть. И вот еще что тебе скажу, паря. После этого случая с Витьком, а это я в точняк знаю, старики ороконы¹⁴ наши аж в верховья Бикина, в самый что ни на есть дебряк за путевым шаманом мотались. У них же сейчас своего сильного, настоящего уже и не осталось. Не одни сутки потом камлали как шальные, до седьмого пота. Людишки говорили, будто вроде как помогло это. Считай, три года полных никто про него ни ухом ни рылом. А теперь вот, значит, сволота, опять нарисовался. И не просто так, кумекаю. Видать, есть у него на то какая-то своя причина. Не может не быть. Знать бы еще – какая? – Чеботарь помолчал, задумчиво потер седоватую жесткую щетину. – Ладно. Хватит уже попусту языком молотить. Пойдем-ка дровишек наcoleм. К ночи похолодает. Протопить не помешает. Давай-давай, подымайся. Еще успеешь бока намять да на копчике поерзать.

Погода налаживаться и не думала. Морось сменил мелкий занудный дождик. Такой, да при полном безветрии, запросто может и на целую неделю зарядить.

«Ну и как теперь, на ночь глядя, отсюда на срыв уходить? – Антон вышел на крыльцо, глянул на небо, затянутое тучами, и недовольно поморщился. – Вымокну ведь до нитки? Ну да это ладно, мне не привыкать. Самое дерьмовое в том, что батарейки в фонарике совсем на

¹⁴ Ороконы – одно из названий удэгейцев.

ладан дышат, а при такой неслабой баньке так и вообще дальше собственного носа ни шиша не увидишь. Да плутану же стопроцентно! Без всяких сомнений. Придется, видимо, перед самым рассветом ноги делать. Только бы этого пришибленного лешака чем-то ненароком не задеть, не обидеть. Пока-то он вроде смирный, но надолго ли?»

Отойдя от сруба на десяток метров, они завалили толстую дубовую лесину, загодя подсаченную¹⁵ хозяином зимовья. Чеботарь споро, с какой-то дикой нечеловеческой скоростью пилил ее шерботой, плохо разведенной ножовкой на чурбаки. Антон тут же, на пне, колуном разваливал их на звонкие полешки и таскал в зимник, поначалу не торопясь, с ленцой. Однако он постепенно все чаще, все сильнее прирастал взглядом к бледному, ссутулившись, поминутно озирающемуся Чеботарю и сам не заметил, как прибавил шагу. Подхватил-таки от мужика прилипчивую заразу и тоже поневоле превратился в слух и зрение.

Что ни говори, как ни корчи из себя совершенно здравомыслящего парнишу, а и тебя все эти жуткие рассказы в таежной глухомани на сон грядущий до кишок пробьют. Да будь ты хоть железного десятка, но у страха, как известно, глаза велики.

Теперь, неся к дому очередную охапку дров, Антон тоже чувствовал себя совсем неуютно. Ему все больше казалось, что мерзкая образина из рассказанной Чеботарем детской страшилки злобно сверлит ему спину своими мутными кровавыми зрачками. Он мысленно корил себя за малодушие, костерил последними словами, склонял на все лады, но ничего не мог с собой поделать.

Они уже примеривались к следующей сушине, когда Чеботарь вдруг замер и нахмурил брови, внимательно глядя куда-то вверх:

– Подожди, Антоха! Видишь, там, на осинке?.. Ну вон, где куст омелы? Чуть правее!

– Ну, вижу что-то... – ответил Антон, отыскав глазами большое темное пятно в кроне дерева, уже зажелтелой.

– А пойдем-ка глянем, что там за непонятка.

Они подошли поближе. Чеботарь смахнул топориком длинную тонкую березку, ловко, с первой же попытки, зацепил сучком странную находку и скинул ее на землю. Это была старая стеганая фуфайка. Чеботарь поднял ее, задумчиво повертел в руках.

– Ты смотри, какая песня! – Он всунул палец в здоровенную дырку с неровными рваными краями. – Так и специально хрен выдерешь! Да и зачем? – Он покосился на Антона: – А? Как думаешь?

– Да, странновато как-то, – промямлил тот, уже и не зная в точности, подыгрывает ли он по-прежнему полоумному мужику или же непонятная находка действительно начинает вызывать у него какую-то тревогу.

– И чего она на верхотуре-то болтается? Ветром надуло? Навряд ли. Это ж какой ветрюган-то нужен, чтобы такую тяжесть на самую макушку осины забросить?

– Да-а, странно. Какая-то глупость получается.

– Вот и я об том же. Не нравится мне это, Антоха. На дух не нравится. Пойдем-ка, паря, пошустрей на хату. Нечего нам тут с тобой подолгу-то отсвечивать. – Чеботарь распахнул дверь, подвигал ее туда-сюда, придирчиво осмотрел со всех сторон и раздумчиво произнес: – На вид вроде крепкая. Плохо только, что внутрь открывается. Это очень даже нехорошо. Ну да ничего. Подопрем как-нибудь. Надо бы полено какое доброе сядой приволочь. Пошли-ка, Антон, сделаем, пока совсем не свечерело.

Они заготовили увесистое бревнышко на подпорку, протопили печку, почаяевничали, зажгли свечку. К счастью, в углу на полке нашлось целых четыре штуки. Да еще и в синей потертой лампе плескалось на доньшке немного керосина. Если по дури часами не палить – надолго хватит.

¹⁵ Подсачивать – подрубать дерево, чтобы оно истекало соком и сохло на корню для последующей вырубки.

– Чего-то ватник этот у меня никак с ума не идет, – насупившись, произнес Чеботарь, как только они откинулись на нары, закончив хлопотать по дому. – Я так маракую, что его не от земли, а вроде как сверху на осину скинули? Смекаешь?

– Похоже на то, – рассеянно поддакнул Антон.

Он с немалым волевым усилием заставил себя трезво мыслить и подумал: «Да, это точно. Не фонтан, что дверь внутрь зимовья открывается. Никак не получится этого старого маразматика снаружи подпереть, чтобы за мной вдогонку не рванулся. Можно было бы в замочную проушину палку засунуть, но так ведь нет там, как назло, никакой проушины, никаких навесов. Так что же тогда придумать? Можно попробовать проволокой зацепить за дверную ручку. Но ее сначала заныкать надо. Да и куда я второй конец привяжу? Была бы рядом с дверью какая-то крепкая балясина!.. Ладно. По нужде пойду, посмотрю».

– И дырки эти стремные!.. – Чеботарь своим нытьем упорно продолжал нагнетать обстановку. – Сечешь, паря?

– Да что тут переливать из пустого в порожнее? – устало и раздраженно отозвался Антон. – Давай лучше на боковую. Натоптались же за день. Пойду я отолю, потом лягу. Ты как?

– Нет. Я не хочу. Далеко только не броди. А лучше бы совсем не ходил. Видишь, темнеет!..

– Нет. Не могу уже. Чаю надулся, вот и приспичило. Не усну иначе.

– Только долго не валандайся.

– Ладно. Не пацан. Соображу как-нибудь.

Антон поднял воротник куртки, отвалил полено и осторожно приоткрыл дверь. Он постоял, прислушиваясь к негромкому размеренному шелесту дождя, пытаясь пробить взглядом сплошную темень. Ему страсть как не хотелось выходить наружу! Даже под ложечкой заныло от какого-то неясного неприятного предчувствия. Но не гадить же в зимовье, в конце концов! Пришлось-таки пересилить себя и шагнуть на крыльцо.

Антон двинулся вперед, и тут же громко зашелестело что-то где-то над крышей зимовья. Сердце мигом зашлось, запрыгало в груди. Он откачнулся назад, перескочил порог, с треском захлопнул дверь и привалился к ней плечом. На лбу в момент появилась испарина.

– Держи, мать твою! – заорал Чеботарь, слетая с нар. – Не отпускай! Я сейчас.

Он завозился с тяжеленным бревном, подволок его к Антону. Они ткнули мощную подпорку в дверь, уперли ее пяткой в гвозди, заранее вбитые в пол, и застыли без движения, наострив уши.

Минуты бежали одна за другой, а за порогом зимовья в насквозь промокшей раскисшей тайге по-прежнему стояла тягучая тишина. Ее нарушало только нудное приглушенное бормотание холодного осеннего дождя. Очень скоро к Антону начала приходить уверенность в том, что никакого шелеста в воздухе вовсе и не было. На этот раз с ним просто сыграло злую шутку разгулявшееся воображение, перекормленное детскими страшилками.

Первым нарушил молчанку Чеботарь:

– Давай, наверное, по одному подежурим, а? Надо соснуть хоть пару часиков, а не то завтра крыша точняк поедет. И у тебя, гляжу, совсем зенки слипаются. Иди ложись. Давай-давай!.. Я потом.

Вопреки здравому смыслу
Мутное объяснение. – Приготовления к бою. –
Очередная сказочка Чеботаря. – В сопки, поближе
к свету. – Обрывок кумачовой ленты. – Новое
убежище в пещере. – Кумирня Ободранный идол. –
Попытка вырваться из плена. – Роковое ранение

Продрав глаза, Антон спросонья долго не мог сообразить, где находится, и только неприятный едкий запах моментально привел его в чувство. Спустив ноги с нар и перехватив колкий насмешливый взгляд Чеботаря, он тут же залился краской стыда и отвернулся. Вспомнил вдруг, что ночью не стерпел, втихоря сходил в угол. Теперь кислым поганым запахом несло на весь зимник.

– Так что, оклемался? – невозмутимо спросил Чеботарь, не став заострять внимание на его вполне безобидной детской шалости. – Тогда подымайся. Чайку попьем да будем собираться.

– Куда? – машинально спросил Антон.

– На кудыкину гору.

– Так ты же вроде собирался здесь надолго обосноваться.

– Собираться-то собирался, да теперь по-другому петрю.

– Что-то я не понял.

– Да вот какая закавыка, – пробормотал мужик, покопался в кармане и выудил оттуда какой-то небольшой блестящий предмет. – Тут вот, Антоха, какое дело. Не след нам здесь больше дожидаться. Не приедут мужики. Чует сердце, не приедут. – Он раскрыл широченную квадратную ладонь и с тяжелым вздохом прибавил: – Это же Генкин ватник-то был. Вот, гляди, что я в кармане нашел. Точно его вещичка. Я сам ему ее у нас в пожарке вытачивал.

Антон наклонился и в блестящей штуковине, лежащей у Чеботаря на ладони, узнал самодельную бензиновую зажигалку, сделанную из обыкновенной пулеметной гильзы.

– И куда теперь? – не отрывая от нее глаз, спросил он почти равнодушно.

После тяжелой ночи, проведенной в каких-то кошмарных сновидениях, голова у него гудела, буквально на куски разламывалась. Внутри поселилось какое-то стойкое тупое безразличие ко всему происходящему.

– Пока еще не знаю, – ответил Чеботарь и скосил на Антона глаза, вдруг снова ставшие цепкими и пытливыми.

Было видно, что прошедшая ночь подействовала на него оживляюще, не в пример Антону.

Он недовольно покачал всклокоченной крутолобой башкой и неожиданно, без всякой мотивации взорвался:

– Куда-куда!.. Заладил, блин, как попка. Да порешаем мы, разберемся! – Но он тут же малость опомнился, снизил тон: – Да ты вообще, Антоха, пока блох-то не разгоняй. Мы же с тобой прямо сейчас никуда не намылились.

Как только рассвело, они выскочили на минуту в лес. Чеботарь быстро подсек топориком тонкий дубок, накопил заготовок для стрел из полусухого кленового подростка. Теперь, пристроившись рядом с печкой, он неторопливо и основательно мастрячил тяжелый лук. Чеботарь работал с невозмутимой миной на лице. Как будто это и не он вовсе еще вчера безапелляци-

онно утверждал, что любое оружие будет совершенно бесполезным против мифической летучей твари, то ли встреченной ими в тайге, то ли нет.

Чеботарь аккуратно ошкурил и зачистил полутораметровый обрезок дубового стволика. С большим усилием, так, что на его широком крепком лбу с глубокими продольными морщинами вздулись жилы, он натянул вместо тетивы кусок телефонного кабеля. Потом мастер проверил заскорузлым кривоватым пальцем свою работу, и провод загудел, завибрировал гулко и низко.

– Ну-ка, глянь. – Он протянул свою поделку: – Потянет, нет?

– Внушительно, – отозвался Антон, принимая из рук Чеботаря громоздкую увесистую штуковину. – Только сомневаюсь, что из него можно будет стрелять. – Антон попробовал натянуть тетиву.

Как он ни пыжился, ему так и не удалось согнуть лук даже на четверть.

– Дай-ка я!.. – Чеботарь усмехнулся.

Потом он легко, вроде как совсем без усилий, проделал то, что не получилось у Антона, и с самодовольным видом отложил оружие в сторону. – Гольды такие луки на сохатого настораживают, – пояснил Чеботарь. – Насквозь прошивает. Как жука булавкой. Только они их из сухой елки или пихты делают. Но нам сейчас сушить-то недосуг. Слишком долгая песня выйдет. Да ничего. И так сойдет на худой конец. Но стрелять из него, конечно, тяжеловато будет. Гольды ведь его ногами натягивают. А гони-ка, паря, мне твой ножик.

– Зачем?

– И тебе кое-что смастерим.

Через пару минут руку Антона оттягивало что-то похожее на примитивное копье. Это была ручка от швабры с лезвием ножа на конце, примотанным тем же телефонным кабелем.

В мозгах Антона тут же ярко полыхнуло: «Пырнуть бы тебя, идиота, этой убойной штукой промеж глаз да и разделаться вмиг со всей этой дурацкой историей!..»

Он подумал так, и от этой дикой мысли даже ладони у него вспотели. Антону пришлось потупиться.

– Сирнапу по-ихнему, – спокойно пояснил Чеботарь, сделав вид, что не заметил огонек, полыхнувший в глазах соседа. – У тех, что гольды делают, только лезвие пошире и подлиннее. На мафу, медведя, значит, с таким ходят. На вот ручку от ножика, в рюкзак спрячь. Потом поновому приладим.

Прошедшая ночь действительно явно пошла ему на пользу, подействовала исключительно благотворно. Она каким-то совершенно непостижимым образом взбодрила его, хотя, как догадывался Антон, он и на минуту глаз не сомкнул. От бывлой растерянности не осталось и следа. Чеботарь весь как-то подобрался. Теперь его широкоскулое лицо с массивным рубленым подбородком снова излучало уверенность и недожиданную внутреннюю силу.

При этом в нем угадывалась еще какая-то перемена, пока непонятная Антону. Как будто прошедшей ночью тот окончательно принял какое-то очень важное для себя решение.

Антон же, напротив, чувствовал какое-то внутреннее опустошение. В голове его образовалась натуральная каша. На фоне собранного, уверенного в себе Чеботаря он выглядел полной и законченной размазней.

Тот устал бросать на своего смурного расквашенного попутчика укоряющие взгляды, недовольно покачал башкой и проворчал:

– Ты чего, Антоха, киснешь-то? Ну-ка соберись. Кончай хандрить, паря. Прорвемся, блин. Не менжуйся. Я тебе говорю. – Он тут же хитро прищурился и ляпнул, казалось, совсем не к месту, ни к селу ни к городу, безо всякого перехода: – А знаешь, кстати, почему удэгейцы тигру уважают? А вот и нет! – не дожидаясь ответа, тут же продолжил Чеботарь: – Неправильно. Хрен ты угадал! Вовсе не потому, что боятся ее до дрожи. Совсем не в этом фишка, паря! Вот послушай... – Он намеренно выдержал весомую паузу, засмолил чинарик, скорчил

блаженную глубокомысленную рожу и не торопясь продолжил: – Есть у них, значит, такая байка, легенда, что ли. Это еще тогда было, когда человеком на земле и не пахло. Ну, в этом ихнем среднем мире. У них так считают: верхний мир – это там, где боги всякие обитают. В нижнем – души мертвяков. А посередке тайга, земля наша, значит, обычный людской мир. Так вот, решил их главный бог, не помню уже, как там он прозывается – Сангия-мама, что ли? – людей для полного комплекта наварганить. Послал он на землю брата и сестру. Они же, сучьи дети, взяли да обмишурились. Стали жить как мужик с бабой. Детишек, ясный день, настрогали. Пацана и девку. Этот самый божок их главный поглядел на такую шнягу и дюже рассердился. Порешил обоих. На раз ухлопал и мужика, и бабу. Сестру эту, значит, и ее непутевого братца. Не хрен, мол, мне тут блудить по-родственному. А детей-то ихних малых все-таки вроде как пожалел. Не извел до кучи. Девка пошла замуж за медведя, а паря женился на тигрице. От парня почему-то потомства не было, а вот у девки с медведем все путем изладилось. Вот оттуда род удэгейцев и попер якобы. Теперь они лепят, что мафа, медведь то бишь, для них в натуре прародитель, а тигра – далекий родственник, но важный и уважаемый. Въезжаешь? Но только пока не отчебучит он чего помойного. Собаку, к примеру, у хозяина слямзит или подерет кого. Тогда уж все, каюк. Вся любовь сразу побоку. Запросто ему в лобешник пулю залепят!.. Да и прадедушку своего, медведя, жрут они, братья хитромудрые, очень даже запросто. Аж за ушами трещит. Хотя при этом вроде как жалеют его, казнятся, извиняются. Да я так петрю, что медведю от этих извинений уже ни холодно ни жарко. Вот так, значит, у них, у гольдов, все и напутано. Хрен разберешь, что к чему. – Чеботарь закрыл рот, поглядел на Антона хитрыми въедливыми глазами и удовлетворенно хмыкнул.

Он попал туда, куда целил.

После сказочки, ввернутой Чеботарем, казалось бы, совсем не к месту, на душе у Антона как-то заметно просветлело. Он, конечно, сразу же раскусил неуклюжую, по-детски примитивную попытку этого мужика побыстрее привести его в чувство. Пусть так, но сладкоречивый треп Чеботаря подействовал на него очень даже положительно. Антон вышел из состояния унылой безнадеги, вроде как сбросил с души камень, встрепенулся. На него тоже напала жажда бурной деятельности.

Он резво поднялся на ноги и принялся раздувать печку, чтобы приготовить незатейливый скудный обед. Антон с показным рвением хлопотал по хозяйству.

«Да и болт с ним, что у него теперь лук имеется, – рассуждал он. – В чашобе из него не больно постреляешь. Так что все!.. Хватит уже сопли жевать и от глупых детских рассказней дрожня дрожать. Больше не туплю. При первой же возможности заканчиваю всю эту затянувшуюся бодягу. А если уж действительно до драчки дело дойдет, залеплю ему этой дурацкой сирнапой куда-нибудь в руку или в ногу. Ничего с ним не будет. Выживет. Он же лось здоровенный. Вот и врежу, если что, лишь бы отвязался!»

– Тормознем на Лысой, – накоротке переводя дух, опираясь на согнутое колено, проговорил Чеботарь и кашлянул, прочищая горло. – Там, на самой верхотуре, пещера есть. Одну ночь, думаю, как-нибудь в ней перекантуемся.

– Смотри сам. Тебе видней, – ответил вконец запыхавшийся, взопревший на крутом подъеме Антон. – Я в этих местах не бывал. – Он смахнул со лба бисеринки пота и снова бросил сожаляющий взгляд за спину.

Там, теперь уже на порядочном расстоянии, за синими кедрочками и багряно-желтыми, уже по-осеннему раскрашенными перелесками находился поселок, оставленный им четверо суток назад. А в каких-нибудь двадцати минутах езды от него, в тихом немногочисленном городке – и дом родной. Жена и дети. Сердце Антона вдруг сжалось и заныло от запоздалого сожаления, от какой-то зряшной, но очень болезненной обиды и на себя, и на все происходящее.

«Какого хрена, спрашивается, пошел в тайгу один? Звали же мужики с собой! Нет ведь, захотелось дураку в одиночку фраернуться. Знай, мол, нас, лихих таежников!.. Ну да и черт с ним. Хватит уже пеплом башку посыпать.

Тем более что скоро все закончится. Как только стемнеет, этот бабуин отобьется, я тут же ноги сделаю. А он сегодня определенно спать уляжется. По меньшей мере третьи сутки уже без сна, на ногах да в таком-то возрасте. Не двужильный же он, в конце концов.

А всю эту дурь про всяких там призрачных таежных монстров вообще начисто из мозгов выметаем. Отойду от него подальше и где-нибудь под елкой до утра перекантуюсь. Как только посереет, назад к речушке потяну. Надо обязательно корень из дупла забрать. Вот так и сделаю».

Его дико потянуло закурить. Хотя бы парочку затяжек! Но в запасе оставалась всего одна давно початая пачка сигарет, и он старался тянуть до последнего, пока уши совсем не опухнут без очередной спасительной дозы никотина.

Они перевалили междугорье, глубокую широкую ложину, с трудом продираясь через бурелом. Дальше легче не стало. Путники, склоняясь в три погибели, почти на карачках поднялись к горбатой вершине по старой зверовой тропе, занудно петляющей в зарослях кедрового стланика. Антон окончательно выбился из сил. Ноги дрожали и подкашивались. Поясница от постоянного напряжения затекла, занемела до такой степени, что полностью разогнуться уже не удавалось.

Он махнул рукой Чеботарю и прохрипел:

– Иди, не дожидаясь. Я догоню сейчас. Отдышусь немного.

Но тот сразу же стопорнулся и демонстративно брякнулся рядом на пятую точку с явным намерением дождаться, пока попутчик отдохнет и двинет дальше под его конвоем.

«Вот же, мать его так, вертухай занюханый! – Антон неприязненно покосился на него. – Чует, лешак хитромудрый, за версту неладное. Хрен его обведешь вокруг пальца!»

Он отвернулся от Чеботаря и зацепился взглядом за какой-то ярко-красный лоскуток, застрявший в густой кедровой лапе. Антон потянулся и достал его буквально кончиками пальцев. Спина тут же отозвалась на новое непомерное усилие болезненным коротким прострелом. Он охнул, присел и внимательнее посмотрел на обнаруженную тряпицу.

Десятисантиметровый обрывок кумачовой ленты еще не успел выцвести на солнце. Антон расправил ее и уставился на иероглифы, четко, филигранно выведенные на ней. Складывалось полное впечатление, что лента эта была оборвана совсем недавно. Надпись, сделанная черной тушью, еще не успела расплыться от дождя.

– Дай-ка, – сказал Чеботарь и принял из его руки алый лоскуток.

– Не знаешь, что это такое? – сглаживая возникшую неловкость, озадачил его Антон. – Интересно, как она здесь, на сопке, оказалась.

– Такую вот бодягу тазы¹⁶ на священное место цепляют. Очень похоже, – после недолгого раздумья отозвался Чеботарь. – Это вроде писульки такой ихним божкам с просьбой послать удачу или уберечь от каких напастей, – пояснил он и зашарил взглядом по сторонам. – Наверняка где-то кумирня¹⁷ есть. Только что-то не видать пока. Может, до нее еще пилить да пилить? Это же не ватник. Такую кроху могло и издалека ветром притащить. – Чеботарь повертел находку и сунул в карман. – Ладно. Потом разберемся. Пошли.

Вход в пещеру представлял собой едва заметный, густо заросший гаолян¹⁸ и полынью кривой и узкий лаз. Два человека едва разминулись бы в нем.

¹⁶ Тазы – одно из многочисленных названий удэгейцев. По другой версии – отдельная таежная народность, образовавшаяся вследствие браков китайцев и удэгейцев.

¹⁷ Кумирня – место поклонения языческим божкам.

¹⁸ Гаолян – однолетнее травянистое растение рода сорго семейства злаков.

Чеботарь быстро смастерил некое подобие факела, намотав на толстую смолистую ветку кедровника кусок портянки. Воспользоваться фонариком Антон, естественно, отказался, сославшись на батарейки, и так уже порядком подсевшие.

Они поочередно протиснулись внутрь, прошли пару метров в глубь пещеры и остановились. Языки пламени заплясали на стенах обширной каменной залы с высоким сводом, по краям обрамленным длинными, заостренными книзу сталактитами, в некоторых местах почти достающими до земли. Где-то в темноте часто и звонко шлепали капли воды. Они явно падали в какой-то небольшой резервуар. Чмокающий унылый звук громко отдавался в тишине, разносился эхом по всем углам.

Вскоре глаза в достаточной мере привыкли к полумраку. Антон шагнул вперед и сразу же увидел какое-то яркое пятно рядом с темным углублением в стене.

– А вот и та кумирня! – самодовольно объявил Чеботарь. – Вот отсюда, стало быть, этот кусок тряпицы и приперло. Ну-ка, проверим. – Он подошел, пригнулся, повозился и заявил: – Вот, моя правда! – Чеботарь хохотнул. – Отсюда его и притащило. Видишь, оборвыш-то как есть подошел. Тютелька в түтельку!

– Да, похоже на то, – согласился Антон, сложив, в свою очередь, обрывки ленты. – Посвети-ка вот здесь. Видишь, тут дыра какая-то!..

– Ага, вижу. – Чеботарь приблизил факел к стене.

В темной, неглубокой и тесной нише показалась фигура лупатого толстопузого идола, грубо выбитая на камне. Под ней стояла небольшая глиняная чашечка с обгоревшими палочками благовоний.

– Вот!.. Что я говорил?! – воскликнул Чеботарь. – Это, паря, и есть та самая кумирня. Вон и просо в пиалке насыпано. Костяшки рыбы. Гляди-ка, и мыши ничего не пожрали. Значит, здесь не так давно кто-то терся. И к бабке не ходи!

– погоди, – прошептал Антон. – А что это за рытвины такие странные у него на морде? Смотри, какие глубокие! словно долотом долбили. слышь, Чеботарь, а они, тазы эти, божков-то своих боятся?

– А то! И губешки им водярой мажут, и на коленках перед ними ползают.

– А почему же тогда у него вся физиономия исполосована так, будто кто-то на нем свою злость срывал?

– Нет. Это ты чухню несешь, Антоха. Быть того не может! Они ж с этими самыми своими каменюками как с детьми малыми баюкаются. Не то что рожу ему ободрать, даже лишний раз дотронуться до него страшатся.

– Тогда я совсем ничего не понимаю, – проговорил Антон и переступил с ноги на ногу.

Под сапогом что-то скрипнуло. Он нагнулся, пошарил под ногами, выпрямился и поднес к свету очередную находку. Это был широкий обломок круто загнутого когтя длиной сантиметров восемь-десять. На звериный он был совсем не похож. Слишком уж большой изгиб. Скорее всего, птичий. Как будто ястребиный.

«Но какая же, едрит твою, должна быть птица с такими мощными когтями? – У него опять засосало под ложечкой. – Это же просто гигант какой-то! Хотя кто его знает? Может, и такие не редкость?»

– И чего он его здесь-то бросил? – пробормотал себе под нос Чеботарь.

– Кто?

– Да таз этот. Они ж такие когтяры как амулеты на шее таскают. А-а! Потерял, наверное. Антон поднял глаза и прочитал во взгляде Чеботаря неподдельное искреннее недоумение.

Они скоренько натаскали жиденькую кучку тонкого хилого валежника, сколько смогли найти, и развели костерок с намерением почаявничать, а потом уже вплотную заняться заго-

товкой дров для ночевки в новом убежище. С ними дело обстояло куда как плохо. Кругом один голый камень. Придется таскать от самого подножия сопки. Только там виднеется настоящий лес. А это работенка еще та! Погорбатиться придется не на шутку. Хорошо еще, что с водой проблем нет. Хоть ее тут в достатке. Пускай и мутноватая, с терпким привкусом мела, как видно, сквозь известняк сочится, но пить можно.

После чая Антон позволил себе всласть посмолить. Ну, почти всласть – разбили с Чеботарем одну сигаретку на двоих. У того тоже в запасе осталось всего ничего – полпачки махры и немного ядреного листового самосада. Они сидели у костерка, уткнувшись взглядами в огонь, и неторопливо дымили, по уму используя короткую передышку перед тяжелой работой.

– Где-то сверху дырка есть, – уверенно изрек Чеботарь, задрал башку и внимательно оглядел сужающийся кверху каменный свод, уходящий в плотную, непробиваемую взглядом черноту. – Видишь, дым от костра не на двор, а в нутро тянет. Надо позже глянуть будет.

– Слушай, а ты вообще чего по тайге-то бродишь? – сорвался у Антона с языка чисто провокационный вопрос.

– Зараз дровишек наколем и побачим, що це воно таке, – хмуря кустистые брови, не отрывая глаз от потолка пещеры, неожиданно пробасил Чеботарь по-хохлацки, легко пропустив неуместный вопросик Антона мимо ушей, неспешно встал, упер руки в бока, размял затекшую спину. – Ладно, паря. Пойдем-ка пахать уже. Без огня нам здесь с тобой кирдык придет. Всю ночь напролет до третьих петухов палить придется, – сказал он и быстрым решительным шагом вышел из пещеры.

Антон на минуту задержался, в раздумье подбросил хвороста в костер.

«Зря я его про это спросил. Все равно ведь не ответит, зараза. Такие вопросы в тайге чужакам задавать не принято. Ничего, пускай слегка подергается. Тем более что и он меня тоже тогда, на речке, подобным образом пытал, – подумал он и ехидно усмехнулся. – Правда, и я ему тогда ни шиша не ответил. Казалось бы, нет смысла понапрасну воду мутить, скрывать что-то. Да ничего не попишешь, такова сила укоренившейся привычки. Элементарный инстинкт самосохранения. Береженого бог бережет».

Пока они заготовили дров, отаборились как положено, до потемок осталось не больше часа. Дождик прекратился, но небо по-прежнему оставалось серым и неприветливым. Только теперь на нем местами стали вырисовываться свинцовые тучи, будто еще толком и не опорожнившиеся, не растерявшие влагу. Они неторопливо, как не доенные, отяжелевшие буренки, тянулись над тайгой, подгоняемые легким ветерком, зародившимся где-то в вышине. Внизу же, у земли, все еще царил полный штиль.

Стало заметно холодать. Похоже было на то, что под утро приударит, куснет за уши первый ядреный осенний морозец. А это значит, появилась резонная надежда на долгожданное ведро.

У Антона после тяжелой авральной работенки все мышцы ныли, но настроение от этого никак не страдало.

«Пускай морозец, – подбадривал он себя мысленно. – Это не беда. Совсем другая песня! Сейчас просушусь как следует у костерка, дождусь, пока этот хрыч заснет покрепче, и слиняю. Фонарик еще худо-бедно светит, поэтому спущусь как-нибудь с сопки потихоньку, а там, по ровному месту, можно уже и без всякой подсветки топать. А вдруг еще и луна выглянет? Тогда вообще лепота будет. Шагай и шагай себе помаленьку хоть всю ночь напролет».

Место прорехи в своде пещеры они приблизительно определили. В самом конце просторной галереи, заканчивающейся тупиком, пламя резко расплющило, потащило вверх, указывая на широкий пролом, зазубренный по краям.

– Да и хрен с ним, – безапелляционно заявил Чеботарь. – Петрю я, не такая уж и большая дыра эта. А то и не так еще сифонило бы. Враз задушило бы пламя. Да и ветер выл бы в голос.

Они уже взялись опять разводить притухший костерок, когда Чеботарь вдруг всполошился:

– Слушай, Антоха, так мы ж с тобой в запарке совсем забыли про затычку!

– Да какую еще затычку? – с трудом скрывая подступающее раздражение, спросил Антон.

– А чем мы с тобой будем перед ночевкой лаз забивать?

– А его нужно забивать-то?

– А то как же! Раз мы с тобой в эту щелку свободно прошмыгнули, то и он... она сюдой заберется запросто. Ты давай-ка не тормози. Пошли отпилим да притащим, пока совсем не свечерело.

– Хорошо, пошли, – через силу выдавил из себя Антон и подумал: «Ничего с этим маразматиком не поделаешь. Ладно. Чем бы дитя ни тешилось... Но это будет – дембельский аккорд, однозначно».

С них семь потов сошло, пока они свалили тупой ножовкой, прихваченной из зимовья, полусырой ясень с верхушкой, обломанной давнишним ураганом. Работники поочередно менялись местами. Один пилил, а другой в это время изо всех сил отталкивал ствол тяжелой длинной рогулей, чтобы полотно пилы не зажимало. Потом они еще долго и нудно отчекривали от упавшего дерева кусок нужного размера.

Трудяги отдышались, смахнули пот с лиц.

– Так что, хватаем? – Чеботарь призывно глянул на взопревшего, тяжело дышащего Антона. – Некогда нам, паря, долго прохлаждаться. Давай-давай, не тяни вола за уши. Цепляй за хвост. Хватай, и потащили!

Антон с усилием оторвал от земли конец бревна и поморщился. Шуруя ножовкой, он насадил на ладонь под каждым пальцем по добротной кровавой мозоли.

Пока тащили по ровному, было еще вполне терпимо. Но когда полезли вверх по склону, у него появилось такое ощущение, что пупок вот-вот развяжется.

В голове непрестанно гвоздила всего одна мысль: «Не дай бог уронить! Тогда уж точно ноги всмятку!»

Когда до широкого скального уступа перед лазом в пещеру оставалось не больше сотни метров, до Антона наконец-то дошло, что он по собственной дури опять загоняет себя в ловушку.

«Ничего себе! Если мы этим бревнищем вход заложим, то я же его в одиночку и с места не сдвину! Тогда все, кранты. Пока этот шизик не проснется, из пещеры мне не выбраться. Надо срочно что-то делать!»

– Подожди, – прохрипел он. – Стой, говорю, блин! Да не беги же ты!

– Ну и чего там опять? – недовольно буркнул Чеботарь, опустил на землю свой конец бревна, обернулся, презрительно сплюнул через зубы и поинтересовался: – Да ты мужик или баба?

– Какая разница? – огрызнулся Антон. – Ничего, подождешь пару минут. Не сожрет тебя твоя тварюга, не волнуйся. Ничего с тобой не случится.

– Дурак ты! – Чеботарь укоризненно покачал башкой, неожиданно заулыбался и смиловился: – Ладно, две минуты.

После недолгого отдыха они опять подступили к тяжелой ноше.

Тут он вообще проявил о напарнике поистине отеческую заботу, сказал вдруг: – Ладно, не пыжся. Теперь я снизу поташу.

– Добро, – сухо, с непроницаемой физиономией отозвался Антон.

В нем все так и ликовало: «Зашибись! Да это ж мне и нужно!»

Антон подхватил конец бревна, переложил его за спину, сделал несколько неуверенных коротких шажков вверх по склону и намеренно пошатнулся. Потом он незаметно подогнул под себя правую ногу, сделал вид, что поскользнулся на камне, резко попятился и с силой уперся

копчиком в ясеневый комель. Чеботарь принял на себя весь вес бревна, да еще и немалую тяжесть Антона. Он напрягся так, что на горле у него вспучились жилы, надсадно захрипел, покачнулся и рухнул на колени. Через пару секунд Чеботарь и вообще громко крикнул, завалился на бок, выпустил из рук бревно и кубарем покатился под откос.

Резко освободившись от ноши, Антон потерял равновесие и растянулся на земле. Он моментально вскочил на ноги и обернулся. Горло словно жесткой петлей захлестнуло, когда Антон увидел, что тяжеленное бревно, звонко бухая по камням, понеслось вдогонку Чеботарю. Только когда оно высоко подпрыгнуло и намертво застряло в зарослях кедровника, у него вырвался громкий вздох облегчения. Он тут же, не медля больше ни секунды, рванулся вниз без оглядки, рискуя свернуть себе шею на крутом склоне.

Чеботарь сидел, привалившись спиной к дереву и упираясь широко расставленными руками в землю. Его высокий покатый морщинистый лоб сплошь покрывали крупные бисеринки пота. Мощная грудь, выпирающая из распахнутого ватника, тяжело вздымалась и опадала с каждым вдохом и выдохом. В расширенных зрачках явно читалась страшная боль, но он не издавал ни единого звука, только облизывал кончиком языка, покрытого белым налетом, посиневшие потрескавшиеся губы.

– Живой?! – приблизившись к нему, выпалил Антон. – Ты как? Что?..

– Ничего, – с легкой хрипотцой в голосе ответил мужик. – Только с ногой чего-то.

Только теперь, после этих слов, Антон заметил, что его правая ступня повернута в сторону под каким-то неестественным углом, штанина на голени топорщится, а вокруг бугорка расплывается широченное темное маслянистое пятно. Он осторожно прихватил нижний край штанины, напрягся, пытаясь разодрать ее по шву, но она не поддавалась. Антон закатал ее дрожащими руками и покачнулся от нахлынувшей дурноты. Из залитой кровью раны на крепкой, широкой, поросшей белесым волосом голени Чеботаря торчал острый желтоватый обломок кости.

– Подожди, я сейчас, – прошептал он. – Быстро за топориком сбегаю.

Антон встал, не поднимая глаз от земли, развернулся и шагнул вперед. Через несколько секунд он остановился как вкопанный, словно уткнулся лбом в невидимое препятствие.

Антон услышал слова Чеботаря, брошенные ему в спину:

– Бог тебе судья.

Он скрипнул зубами, пригнул голову, размял рукою шею, справился с чувствами, вломился грудью в густой кустарник и полез в гору.

Битый час потребовался им на то, чтобы взобраться на сопку. До пещеры они дотащились, измотавшись до предела. К тому времени уже почти стемнело.

Антон, едва переведя дух, снова взялся за дело. Он нарезал кучу кедрового лапника, уложил на него окончательно утомившегося Чеботаря и снял с его ноги примитивный лубок из коры, перевязанный тонкой лозой лимонника. Потом Антон развел большой костер, накипятил в котелке воды, дал ей остыть и отстояться. Он распустил свою нательную рубаху на лоскуты, смочил тряпку и осторожно прикоснулся к обширной страшной ране.

– Смелее, паря, – подал голос Чеботарь, прервав часовое молчание.

За все это время они и словечка друг другу не сказали.

– Не бойсь, тебе говорю. Давай-давай. Не мандражируй.

Но разговор и теперь не заладился. Мужчины перекинулись еще парой ничего не значащих слов и опять будто в рот воды набрали.

Антон тщательно обмыл рану, присыпал ее раскрошенной таблеткой стрептоцида, по счастью отыскавшейся в кармашке рюкзака, и наложил тугую повязку. Он снова нагрел воды в котелке, заварил чай, напоил им Чеботаря, только потом отошел в сторону, уселся на лапнике, обхватил руками колени и уставился в жарко полыхающий огонь.

В мозгах образовалась сплошная мешанина. Мысли путались и рвались, сплетались в какие-то невообразимые клубки. От этого в нем росло какое-то дикое раздражение на этого мутного, случайно встреченного в тайге мужика со всеми его дурацкими детскими страшилками. Антону казалось, что они уже связаны какими-то незримыми узами. Но в первую очередь он, естественно, злился на себя.

«Да уж, блин!.. – думал он. – Ну и накосячил же я сам себе. Теперь же его одного хрен оставишь! Загнется непременно. Что он за человек-то, в конце концов? Действительно шизик или просто прикидывается? Да хрен его поймешь, лешака. То белеет от страха, прямо как желторотый юнец перед первой бабой, то просто преисполнен нездорового оптимизма, этакий идиот жизнерадостный. Чего он по лесу шарахается? Вроде не рыбачит, не охотится. Может, так же, как и я, корешок промышляет? Нет, не похоже. А сколько ему лет, интересно? По виду около шестидесяти. Однако крепкий еще мужик, здоровущий бугай. Ему, наверное, таких, как я, по паре на каждую руку. Сломает как спички. Без напряжения. Да и говорок у него какой-то странноватый, нелепая смесь просторечия и фени. Может, он на самом деле зону топтал?»

Его дико потянуло закурить. Антон поморщился, но все-таки наплевал на все свои строгие самоограничения, вытащил из пачки сигарету, отломал фильтр, чтобы получше забирало, и прикурил, не разминая. Он поднялся, подложил дров в костер, хлебнул чуть теплого чая из закопченного котелка и недовольно сощурился на безмятежно дрыхнущего Чеботаря. Тот словно почувствовал неприязненный взгляд и заворочался во сне. Чеботарь бормотнул что-то невнятное и распластался на спине, широко разбросав по сторонам тяжелые лапищи. Он почмокал губами и захрапел с присвистом.

Попытка вернуться домой

Ночное дежурство у постели раненого. – Странное видение. – Признание Чеботаря. – Неприятная догадка

Через несколько часов у Чеботаря резко подскочила температура. Теперь он в испарине, в полубреду метался на кедровой подстилке, мотал башкой и тихо постанывал. Антон сидел рядом, впритык, и тупо пялился на яркие языки пламени, вырывающиеся из костра. Он из последних сил боролся со зверским искушением рухнуть на землю и отключиться. Отяжелевшие веки поминутно ползли вниз. Они слипались так, будто в глаза набился мелкий колючий песок.

В ноздри полился приторно-сладкий запах благовоний. Антон поднял глаза и увидел какую-то смутную фигуру у тускло освещенной кумирни. Он прищурился, пригляделся.

Это был дряхлый щуплый манза с бугристой птичьей головкой, гладко выбритый спереди до макушки и с длинной седой косичкой на затылке. Он стоял на коленях, положив сухие старческие ладони на пол, что-то невнятно бормотал и бил земные поклоны перед лупатым каменным божеством. Манза кланялся истово и отрешенно. Тонкая желто-пергаментная кожа его наполовину выбритой головы лоснилась и бликовала в неровном мятущемся свете свечей, горящих в чашке с просом.

На нем была надета потертая рубаха из синей дабы¹⁹, украшенная орнаментом. Сверху на ней – широкий передник, закрывающий колени. На ногах остроносые кожаные улы²⁰. За пояс сзади заткнута вытертая усохшая барсучья шкурка²¹. Здесь же, на поясе, сбоку были привязаны длинная курительная трубка и костяная палочка для копки женьшеня.

Антон потер кулаком глаза, помотал головой, чтобы стряхнуть с себя наваждение, но оно все никак не проходило. Он закопошился, поднимаясь на ноги, а когда разогнулся, в глубине пещеры, там, где находилась кумирня, стояла полная кромешная темнота. Антон поскреб в затылке и шумно выдохнул.

«Ну и хрень! Пригрезится же такое!»

Он подошел к своей лежанке, раскинулся на лапнике и моментально провалился в сон.

К утру Чеботарь немного оклемался. Он все еще хрипло, с присвистом, дышал, дрожал в ознобе, кутаясь в набросанное тряпье, но взгляд его был вполне осмысленным. Однако Антон не питал пустых иллюзий на его счет. Он был уверен в том, что это лишь короткая последняя передышка. Очень скоро мужика окончательно разобьет лихоманка, и тогда Чеботарь уже безвозвратно впадет в полное беспамятство.

Ногу его разнесло, раздуло как бревно. Рану обметало по краям зловещим фиолетово-розовым налетом. Налицо были все признаки начинающегося заражения крови.

Антон сделал ему очередную перевязку, закрепил ногу лубком, теперь сработанным уже добротнo, и твердо заявил:

– Все. Идем в поселок. И не смей мне даже заикаться про этого твоего поганого вавуха! Этот номер у тебя больше не пройдет.

– Мне нельзя в поселок, – после долгой паузы ответил Чеботарь. – Никак невозможно.

– Почему? – удивленно вскинул брови Антон.

¹⁹ Даба – хлопчатобумажная ткань.

²⁰ Улы – род обуви из оленьей кожи, обычно с загнутыми кверху носами.

²¹ Манзы-корневщики привязывали сзади к поясу барсучью шкурку для того, чтобы было удобно садиться на мокрый бурелом.

– Ни за что нельзя, понимаешь?.. Ищут меня.

– Кто ищет? Почему?

– Тут, Антоха, понимаешь, такое дело. В общем, набрехал я тебе. Все наврал.

– Что наврал-то?

– Да про Витька...

– Не понял.

– Да сам я, понимаешь, Генку-то пришел. Сам! И не когда-то там, а совсем недавно. Три дня назад. Прямо там, у зимовья, где мы с тобой ночевали. Повздорили мы крепко. Узнал он с моих же слов, я же сам по пьянке ему и раскололся, что корешок от него в прошлом году заныкал. У нас же до того всегда все было поровну. А тут меня как кто-то за руку дернул. Уж такой байговый корень попался! Не панцуй, а сказка! Двести грамм с лихвою! Лет полста ему без малого! Ну вот я и не стерпел, припрятал корешок, значит. А он, хорек, прознал и взбеленился. Попер на меня буром, да еще и с топором, дубина. Слово за слово, сам знаешь, по дури-то оно всегда так и выходит, взял я его на перышко, подрезал. Не хотел, но так уж вышло. Повернулось так, въезжаешь? Или я, или он. Да там и схоронил его. Недалеко. Потом резво ноги сделал, пока на могилку никто не наткнулся. Надумал к ульчам²² на Самаргу²³ податься. У них бы, глядишь, и отсиделся.

Чеботарь замолчал. В его широко открытых глазах застыло напряженное ожидание.

– Неужели в тайге так просто найти могилу человека? – тщательно подбирая слова, проговорил Антон. – Да и кто твоего Витька искать-то стал бы?

– Да завтра-послезавтра мужики с Генкой на зимник заявили бы. Они хватились бы его. Ну и чего я им наплел бы тогда? Был, да сплыл, так? Все одно бы не поверили. Заподозрили бы неладное. Искать стали. Они же знали, что мы вдвоем их ждать будем. Так было с ними уговорено. Придут, мол, и всем скопом на зюбняка²⁴ на дальние солонцы²⁵ повалим. Да пусть и поверили бы они в мою мохнатую брехню, а дальше что? Рано или поздно, но на него обязательно наткнулись бы. Это только вам, городским, кажется, что в тайге прячь все, что только хочешь. А вот хренушки! Здесь все доподлинно известно. Любой пронира местный в два счета самую малость отыщет. А Витек-то – не малость. С меня ростом.

– А ватник?

– А чего ватник? Сам я его и забросил на осину, когда понял, что ты всерьез в поселок лыжи наострил. Улучил момент, пока ты дровишки на хату таскал, и закинул. Никак нельзя мне было тебя отпускать. Ты же где-то про меня точно языком бы ляпнул.

– А зачем ты, спрашивается, вообще тогда, на реке, ко мне подвалил? Ведь спокойно мог пройти мимо.

– Я сперва так и думал, да вот не удержался. Можешь не верить, но страсть как захотелось к кому-то прислониться хотя бы на время. Прямо как магнитом потянуло. Вот и решил – невелика беда. Посижу, погреюсь у чужого костерка. Консерву пожую, словцом коротким перекинусь да попилю себе дальше. А тут дрянь эта навалилась!..

– Опять ты за свое? Я же тебя предупреждал?!

– А тут как хочешь. Хоть верь, хоть не верь, а я ж ее все одно у речки как тебя видел. Вот и струхнул, что одного меня она в момент прищучит. Ороконы-то много всякого про нее болтали. И о загубленных охотниках. Были случаи. Да и не раз. Не Витька, конечно, а других-то мужиков задрала эта стерва до смерти...

²² Ульчи – одна из многочисленных народностей Дальнего Востока.

²³ Самарга – река в Хабаровском крае.

²⁴ Зюбряк, зюбра – изюбрь, крупный олень, обитающий на территории Дальнего Востока.

²⁵ Солонцы – постоянно посещаемые животными места естественного выхода на поверхность солей, содержащихся в почве, рядом с которыми охотниками оборудуются специальные засидки. Иногда солонцы устраиваются искусственно с целью привлечения животных к определенному месту, удобному для отстрела.

– Так, все! – жестко оборвал его Антон. – Хорошо мне на уши навешивать. Я тебя, гада, точно придушу, если ты мне опять начнешь свои бесконечные сказочки рассказывать. Я уже ими сыт по горло. Понял? Язык прикуси и готовься. Через полчаса выходим.

Лоб Чеботаря опять покрыла густая испарина. Он задышал шумно, с присвистом, обессиленно откинулся на спину. Видно было, что его снова начинает жестоко ломать и трясти в лихорадке.

«Вот артист, бляха муха! – с трудом ворочал мозгами ослотившийся от усталости Антон. – Это что же получается? Значит, он передо мной тут все время комедию ломал, а я как последний идиот за ним по тайге таскался! Получается, что это не я его, а он меня все это время за полного дурака держал».

Чувство жгучей обиды на крученого, изворотливого мужика вмиг захлестнуло его, пронизало насквозь. Кулаки сжались. Ядреный изошренный матерок готов был сорваться с языка. Он бросил наполненный злостью взгляд на побледневшее, изрезанное как-то вдруг неожиданно проявившимися глубокими старческими морщинами лицо Чеботаря, явно страдающего от жуткой боли, да так и застыл с открытым ртом, хватая воздух обветренными губами.

– Ты как? Слышишь меня, а? – через несколько минут озабоченно спросил Антон, нагнувшись над мужиком, разметавшимся на лапнике.

Злость его растаяла без остатка, как будто ее и не было.

– Слышу, – слабым тонким голоском отозвался Чеботарь.

– Давай-ка поднимайся потихоньку, батя, слышишь? Давай-давай. Идти нам надо. Пока ты не отрубился окончательно. Я ж тебя тогда, лося здоровенного, ни за что до поселка не допру.

– Да нельзя мне туда, – еще раз робко попытался возразить Чеботарь. – У меня же один срок-то уже есть. За драку по малолетке. А теперь точняк по полной намотают.

– Но это все же лучше, чем здесь загнуться, – терпеливо урезонил его Антон. – Поднимайся, слышь? Вставай-ка! Идти надо.

– Да нельзя же мне, – все еще пытаюсь сопротивляться, но уже совсем робко возразил Чеботарь.

Из его остекленевших от невыносимой боли глаз вдруг хлынули слезы и ручьями покапались по синюшным впалым щекам, по жесткой белесой щетине подбородка.

– Мне же шестьдесят уже стукнуло. Я сгнию там, на зоне, у хозяина! Подохну, понимаешь?! Мне же никогда оттуда не выбраться!

– Ну, хватит. Все. Успокойся. Вставай, говорю, поднимайся, – теряя терпение, настаивал на своем Антон. – Давай же, батя, ну, я тебя прошу. У нас же времени в обрез. Держи вот. Я костыли тебе вырезал.

Понемногу развиднелось, развёдрилось. Бледно-розовый малахольный солнечный диск вылез, вылутился наконец-то из сивых косматых туч, завис над тайгой измученной затяжным ненастьем, робко и раздумчиво трогая ее своими еще малосильными нежаркими лучами. Она задышала. Начала оживать чистыми безмятежными птичьими трелями, тихим переливчатым звоном ручьев, оседающих в русло.

– Слушай, батя, – прохрипел Антон, подсаживаясь, поудобнее перекладывая, пристраивая на своем плече тяжеленную обессилившую руку Чеботаря. – А ведь ты меня там, на речке, и завалил бы, да, если бы я наотрез отказался с тобой идти? Я же ведь действительно мог трепануть о тебе в поселке.

– А не знаю, паря. Ей-богу, не скажу.

– Ну, спасибо, что не соврал. – Антон криво усмехнулся и замер, чутко прислушавшись.

Почудилось ему, что где-то далеко позади, в вечном сумраке хмурых вековых кедров прозвучал, прорезал томную лесную тишину визгливый звериный крик, переполненный лютой неутоленной ненавистью.

Куда глаза глядят
В жестком цейтноте. – В цепких лапах урагана. –
Ночевка в дупле. – Исчезновение Чеботаря. –
Возвращение в пещеру. – Талисман в руках. – Встреча
с новым незнакомцем. – На прицеле у чухонца

Надрываясь, надсаживаясь, они продирались с сопки на сопку по коварным каменистым осыпям, заросшим густым, пружинящим под ногами кедровым стлаником. С каждым пройденным километром Чеботарь все больше сдавал. Поначалу он еще что-то жалко мычал в ответ на вопросы Антона о самочувствии, а потом и вовсе потерял дар речи. Его дыхание перешло в какой-то неровный, прерывистый, свистящий сип. Плечи потеряли упругость и обмякли, ноги подкосились, подбородок безвольно уткнулся в грудь. Он выпустил из рук костыли и повис на Антоне всей своей тяжелой стокилограммовой тушей.

Какое-то короткое время Антон еще пытался ценой невероятных усилий продвигаться вперед с непосильной ношей, но вскоре так называемая дорога в очередной раз потянула в гору. Тут он не выдержал чудовищного напряжения и сдался.

Антон отплевался, отлежался, размазал пот по лицу. Все еще стараясь не поддаваться подступающей безнадеге, он рывком поднялся на ноги и огляделся. На душе сразу кошки заскребли. Солнце опять растаяло. Растворилось. Как будто его и не было! Куда ни кинь взор – одна только однотонная слепящая небесная стынь.

Кругом, насколько хватало глаз, сплошным ковром темнела бескрайняя тайга. Он попробовал было привязаться к местности, но, к ужасу своему, обнаружил, что не в состоянии это сделать. Знакомая лысая вершина Синеи сопки куда-то запропастилась, как будто ее корова языком слизала. Несколько минут Антон отчаянно таращился вкруговую, но ни одного знакомого ориентира на глаза так и не попалось. Совершенно никакого! Ни единого!

Во рту пересохло. Его бросило в мандраж, когда он вдруг осознал, что скоро, буквально через час-два, начнет смеркаться. А там, не успеешь оглянуться, накроет тайгу непроглядная кромешная темнота. Если даже по каким-то лесным приметам ему удастся в ближайшее время определить стороны света, то он все равно уже не успеет найти потерянную дорогу в поселок. Да и дорог-то тут никаких нет!

Антон перевел взгляд на бесчувственного Чеботаря и замычал от безысходности.

«А ведь он еще одну таежную ночевку просто не выдержит. Не переживет, а? – И тут вдруг подлая, низкая, недостойная мыслишка, как тать, скользнула в черепок: – Может, бросить его здесь к чертям собачьим? Все равно доходяга не выживет. Так зачем, в таком случае, жилы рвать? Да и кто он мне, в конце концов, мокрушник этот крученный, сват или брат? Неужто я ему чем-то обязан? Тем более что он меня пришить хотел? – Антон подумал так, но тут же укорил себя в подлости, в постыдном малодушии: – А сам-то ты лучше, что ли? Да ты же его и искалечил!.. – В груди защемило. – Нет. Не брошу! Ни за что! Да я ж потом себе всю душу наизнанку выверну! Никогда себе этого не прощу!»

Он собрал остатки воли в кулак, опустил на колени, примерился, крепко обхватил Чеботаря и сцепил у него за спиной руки в замок. Антон потянулся, пытаясь вместе с тяжелым грузом подняться на ноги. Он напрягался, мучился. Уже и хребет от натуги трещал, и перетруженные мышцы судорогой сводило. Но оторвать раненого Чеботаря от земли так и не удалось. Теперь, в бессознательном состоянии, тот стал совершенно неподъемным.

Антон грязно выругался, посидел с минуту, усиленно соображая: «Ну и что теперь дальше? Попробовать тащить его волоком? Для этого мне надо спуститься. Здесь, на верхотуре, ничего сподручного не найдешь – одни чахлые кустики. Но другого выхода все равно нет».

Он надрал лапника, напихал Чеботарю под спину, подхватил сирнапу и ломанулся вниз, но очень скоро намертво застрял в непролазных зарослях кедровника. Так муха замирает в липкой паутине. Антон с трудом освободился из цепких объятий, взгромоздился на стланик и лег на живот. Извиваясь, как ящерица, он быстро заскользил по этому жесткому пружинящему «матрасу» под уклон, безрассудно подвергая себя опасности провалиться между кустами головой вниз и получить при этом серьезную травму.

Антон извожился по уши, пока добрался до подножия сопки. Руки, лицо и вся одежда спереди покрылись слоем липкой смолы, противно отдающей скипидаром. Но о таких мелочах уже и не думалось. Надо было спешить. Времени до наступления темноты оставалось совсем немного.

Он срубил две подходящие молоденькие пихты и озабоченно посмотрел на небо. Неимоверно быстро, прямо на глазах, приближалась непонятно откуда взявшаяся злобная темно-лиловая туча, отороченная светло-золотистой окаемкой. Она беспрестанно меняла форму, клубилась, извивалась как спутанные щупальца огромного спрута, увеличивалась в размерах, все ближе и ближе подтаскивала злобный непроглядный мрак, следующий за ней. В лицо ударило промозглым холодом. Зашелестело, загудело в древесных кронах. С треском посыпались обломанные сухие сучья. Взметнулась в воздух и очумело закружилась жухлая листва, оборванная острым стылым ветром.

Антон подхватил пихтушки, сорвался с места, но не пробежал и десятка метров, резко затормозил, отшатнулся и крепко зажмурился. Совсем близко, в каких-нибудь нескольких сотнях метров от него, нестерпимо ярко блеснула молния. Широченный раскаленный малиновый зигзаг раскроил небо. Почти сразу, без паузы, сумасшедший громовой раскат шибанул в барабанные перепонки.

Мощный порыв ураганного ветра отбросил Антона, отшвырнул назад. Его, ослепленного и оглушенного, кубарем потащило по земле. Через мгновение хлынул жуткий ливень, леденящий тело и душу. Словно ненасытный, все пожирающий Молох в неукротимой злобе набросился на тайгу.

Насквозь промокший, продрогший так, что зуб на зуб не попадал, Антон брел в наступившей беспросветной мгле наобум, буквально на ощупь, стараясь во время очередной вспышки молнии продвинуться хотя бы на несколько шагов вперед. Громоздкая сирнапа постоянно застревала в дебрях, плотно перевитых лианами. Ему приходилось вырывать ее с матагами.

Давно надо было отвязать нож от палки. Раньше до этого как-то руки не доходили. Но сейчас под проливным дождем и в жуткой темнотище он просто боялся потерять в густой траве тонкое лезвие и остаться вообще без всякого оружия.

Антон уже потерял всякую надежду отыскать хоть какое-то мало-мальски приемлемое укрытие и вдруг неожиданно в буквальном смысле лбом уперся в толстый необъятный ствол какого-то таежного гиганта. Дерево оказалось столетним ильмом. Он прижался спиной к его жесткой, грубой как наждак коре, но очень скоро понял, что таким нехитрым способом от ливня все равно не уберечься. Холодные водяные струи легко пробивали осеннюю листву, потерявшую упругость, и раз за разом окатывали его с головы до ног.

Антон отошел от дерева, поднял глаза и не удержал радостного вскрика. В четырех-пяти метрах от земли в теле таежного гиганта зияло широкое и длинное жерло дупла.

После недолгих раздумий Антон смахнул топориком подходящую ветвистую осинку. Он укоротил сучья, прислонил ее верхушкой к нижнему срезу дупла и с первой же попытки взобрался наверх по своей импровизированной лестнице. Антон прислушался, осторожно просу-

нул в дыру сирнапу, потыкал ею из стороны в сторону и вздохнул с облегчением. Дупло оказалось пустым.

«Хорошо, что только начало осени, – подумал он. – В октябре эту удобную квартирку обязательно присмотрит себе белогрудка²⁶. С этим исключительно злобным и совершенно непредсказуемым парнишей шутки плохи. Вмиг оскальпирует, башку отгрызет, даже вякнуть не успеешь».

Антон забрался в укрытие и поблагодарил провидение. Убежище оказалось сухим и достаточно вместительным. По крайней мере, тут можно было довольно удобно устроиться, свернувшись калачиком на слежавшейся мягкой прошлогодней листве, которая почти перепрела. Он попытался втащить в дупло самодельную лестницу, но она оказалась слишком длинной.

«Ничего, – здраво рассудил Антон. – Вниз – не наверх. Как-нибудь спрыгну».

Он стянул с себя мокрую одежду, выкрутил ее, с остервенением растерся до колких мурашей, опять с отвращением напялил на себя и все-таки вздохнул с облегчением. Его все еще колотило по-прежнему, зуб на зуб не попадал точно так же. Антон промерз до костей, но оказался в сухом закутке, закрытом от ветра, пусть и отдающем стойким запахом гари. Похоже, какой-то бортник²⁷ недавно выкуривал отсюда пчелиный рой. Ему предстояло провести здесь долгую ненастную ночь, но эта перспектива уже не так изрядно напрягала его.

Антон немного отогрелся и только тогда, к своему стыду, вспомнил о Чеботаре, брошенном без присмотра: «Как он там, бедолага? Пришел в себя? Может, и вообще уже богу душу отдал?! Нет. Не должен. Мужик-то крепкий. Старой закалки. Должен, курилка, до утра продержаться. Эх, блин! Ему бы сюда, в сухоту! Но ведь никак не найдешь его сейчас в такой сволочной темноте. Да еще и без фонарика. Нет. Не найду. Нечего и пытаться. И его не спасу, и сам заплутаю окончательно».

Как он ни оправдывал свое вынужденное бездействие, а под ложечкой все равно продолжало погано ныть. Антон чертыхался, зримо представляя себе, как совершенно беззащитный, разбитый лихоманкой Чеботарь стынет в беспамятстве под холоднящим проливным дождем.

Чтобы хоть как-то отвлечься, заглушить угрызения совести, не дающие покоя, он парил себе мозги всякой дурью: «Так какую же сказочную хрень он мне тогда, у березы, пытался втюхать? Как там аборигены эту тварь называют? Валих? Валух? Нет, не валух. Вавух? Так и есть, точно. О нем еще как-то по приморской второй программе заикались. Худой такой длинноволосый мужик. Солкин, что ли?»

Антон долго еще сидел, скрючившись, согнувшись в три погибели, опираясь на острые колени подбородком. Он пялился в непроглядную темень, пропускал мимо слуха глухие раскаты уже далекого грома и нудный монотонный шелест постепенно стихающего дождя. Вспоминал об оставленном доме, о жене, о детях, размышлял, поминутно вздыхая, о своей непутевой беспросветной житухе. Антон все чаще и чаще клевал носом, пока окончательно не провалился в рваный, беспокойный сон, наполненный новыми кошмарами.

Утро разбудило его громким жизнерадостным птичьим щебетом. Он сладко потянулся со сна, но через несколько мгновений передернулся всем телом и съежился. Зубы снова пустились в дикий пляс. Одежда за ночь ничуть не просохла, а только неприятно прилипла, приросла к коже.

Антон засучил ногами, подскочил и задергался на месте как припадошный, пытаясь разогреться, разогнать по жилам загустевшую кровь. Слегка оклемавшись, он поднялся на цыпочки, зацепился за край дупла, подтянулся на руках и выглянул наружу.

²⁶ *Белогрудка* – местное название гималайского медведя. Еще он именуется черным азиатским, лунным или уссурийским.

²⁷ *Бортник* – человек, промышляющий сбором меда диких пчел.

Умытая тайга нарядно блестела под яркими и не по-осеннему теплыми солнечными лучами. Дождевые капли еще не успели испариться. Они напоминали шаловливых сказочных гномов, ослепительно сверкали на пестрой разноцветной листве, на длинных усах взлохмаченного вейника, пригнутых ливнем к самой земле, на голом колоднике, ободранном ураганным ветром и ливнем, похожем на чисто обглоданные кости.

Антон сбросил на землю топорик и сирнапу, потом спрыгнул, умыл лицо и огляделся. Вершина сопки, поросшей кедровником, на которой он оставил Чеботаря, темнела совсем рядом. До нее было рукой подать, не больше полукилометра.

Душа его опять заняла, ноги сами понесли вперед. Совсем скоро он наткнулся на пихтушки, срубленные накануне, прихватил их с собой, зажав под мышкой, и не мешкая полез на сопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.